

Транскрипт: Коллоквиум по исследованию неопознанных аэрокосмических явлений

Национальное собрание, Париж, 29 июня 2026 г.
© Роберт Флайшер, EhoMagazin.tv

Пьер Анриэ (депутат Национального собрания) — Введение

Итак, дамы и господа. Мы с Арно Сен-Мартеном очень рады иметь возможность принимать вас сегодня во второй половине дня здесь, в этом зале имени Виктора Гюго, на коллоквиуме под названием «Исследование неопознанных аэрокосмических явлений — по ту сторону фантазий». Каждый из нас пережил один и тот же опыт: посмотреть вечером на небо и увидеть свет, о котором невозможно сказать ни расстояния, ни природы, ни траектории, и на мгновение остаться с этим вопросом, простым в конечном счёте: что это? Чаще всего объяснение приходит — самолёт, планета, спутник, зонд-шар. Но бывает, что оно не приходит. И именно об этих случаях, о той части, что сопротивляется, мы и будем говорить сегодня. Тема располагает к улыбке, и мы это знаем. Если вас так много, дамы и господа журналисты, это несомненно потому, что она оригинальна и обладает тем ароматом необычного, из которого получаются хорошие заголовки. Мы, кстати, наблюдали с момента объявления этого коллоквиума медийную подачу, которая исправно следовала своим стереотипам: маленькие летающие тарелочки в иллюстрациях, понимающие подмигивания. Мы не жалуемся, мы улыбаемся вместе с вами. Но именно поэтому это досье необходимо было вынести из специализированных форумов и положить сюда, в стены национального представительства, и спокойно его рассмотреть. Не для того, чтобы разрешить тайну, а чтобы поставить серьёзный вопрос. Как публичная власть организует изучение наблюдений, которые на сегодняшний день остаются необъяснёнными? Ведь за культурой — в первую очередь кинематографической, вчерашней и сегодняшней — стоит серьёзная реальность. Пилоты, гражданские и военные, сообщают о наблюдениях. Государства — Соединённые Штаты в первую очередь, вплоть до последних дней — рассекречивают документы и создают специальные структуры. А Франция, без шумихи, уже десятилетия располагает внутри CNES государственной службой — GEIPAN, отвечающей за сбор и анализ этих сообщений. Тема, стало быть, уже, хочется того или нет, является объектом государственной политики. Единственный вопрос — работаем ли мы с ней методично или оставляем её на откуп фантазии. Здесь в игру вступают наши две биографии. У меня математическое и эпистемологическое образование, а Арно Сен-Мартен — социолог наук. Наши дисциплины объединяет один и тот же отказ: смешивать серьёзность вопроса с серьёзностью ответов, которые до сих пор на него давались. Явление может быть мало изучено, окружено рассказами и спекуляциями, и тем не менее составлять вполне законный объект исследования. История наук полна объектов, которые долго считались недостойными внимания,

прежде чем оказались плодотворными. В этом весь смысл выбранного нами названия — «По ту сторону фантазий». Не против верований — мы собрались не для того, чтобы их заморозить. И не в их пользу — мы пришли и не для того, чтобы их подтвердить, а именно за их пределы. То есть отличая наблюдаемое явление от накладываемых на него интерпретаций. И когда мы говорим о неопознанных явлениях, мы описываем состояние нашего знания, а не природу самой вещи. «Неопознанное» — не приговор «необъяснимого», это временное признание работы, которую ещё предстоит проделать. Именно поэтому, будучи оба членами Парламентского управления по оценке научных и технологических вариантов, мы задумали этот коллоквиум. Нам показалось полезным собрать сегодня, на перекрёстке путей, исследователей, инженеров, военных, государственных ответственных лиц и наблюдателей, которые, каждый на своём месте, воспринимают это досье всерьёз. Пусть им уже прозвучит здесь тёплая благодарность. Прежде чем открыть наши работы, передаю слово Арно Сен-Мартену. Он лучше меня скажет, почему мы сочли правильным взяться за это. Благодарю вас.

Арно Сен-Мартен (депутат Национального собрания) — Приветствие

Добро пожаловать в зал Виктора Гюго на этот беспрецедентный коллоквиум. Это первая встреча такого рода. Скажем сразу. Поразительно в досье НЛО то, что оно вызывает, как ты сказал, весьма контрастные, часто амбивалентные суждения и чувства — здесь тоже, кстати. Мы чередуем между изумлением, удивлением, порой ухмылкой, насмешкой, но также и выраженным интересом. Каковы бы ни были интересы и партийная принадлежность. Некоторые мои коллеги спрашивали меня — со смесью любопытства и беспокойства: «Но ты в это веришь?» Зачем такой коллоквиум? В чём смысл? Всякий раз я отвечал. Верю я или нет — не в этом вопрос. И вот почему. Как ты сказал, я социолог наук и техник в прошлой жизни, в отпуске, я обучался социологическому подходу к controversиям вокруг знаний, признанных нестандартными, неустановленными, с шаткой эпистемической легитимностью, — короче, изгоев познания. Досье НЛО — прекрасный анализатор с этой точки зрения. Вместо того чтобы выносить приговор, идея в том, чтобы вести расследование над теми, кто ведёт расследование. Приостановив суждение, мы в конечном счёте многому научаемся о других и о самих себе. Депутат-эпистемолог Пьер Анриэ, здесь присутствующий, с которым я организую этот коллоквиум, находится на той же волне. Но давайте будем ясны: как только начинаешь расследовать эти явления как таковые, а не самих исследователей — это уже другое дело. Это требует прибегнуть к методам разведки, техникам обнаружения, установлению фактов, построению баз данных, таксономий, сохранения свидетельских показаний, артикуляции понятий и теорий и, прежде всего, представлению доказательств. Не всё тут годится, не всё выдерживает проверку. Подходы, поочередно интригующие или соблазнительные, вздорные или экзотические, не прошли бы теста на веридикцию. Или, по меньшей мере, этим гипотезам единственно не хватало бы фактических гарантий — оставалась бы лишь уверенность в субъективном наблюдении. Так вот, вся суть этого коллоквиума — обратиться к подходам, которые всерьёз воспринимают эту гамму явлений, без шор, со строгостью. Как? Итак, наша ставка — показать в перспективе и оценить французское наследие исследований НАЯ, в том числе НЛО. Обратиться к свету Группы по изучению и информации о НАЯ при CNES было для нас очевидным. Основанная почти 50 лет назад — здесь я не буду излагать историю, я перескочу к SEPRA — после

различных инициатив на стыке науки, инженерии и наблюдения за воздушным пространством, эта единица содержит массы данных, результаты исследований, экспертизы, методики, укрепленные сотнями случаев. Как и техники, применяемые военными, что станет темой второго круглого стола. Принять эту рамку — уже значит поставить себя против течения определенной обыденной конструкции явления, преследуемой американской продукцией. Несмотря на наблюдение НАЯ почти по всей поверхности земного шара, согласно National UFO Reporting Center, 141 000 из 160 000 зарегистрированных событий произошли в Соединенных Штатах. 89 % от общего числа сообщений. Это закономерность, которая ставит вопросы и одновременно, по контрасту, приглашает сменить оптику, признав, что кое-что происходит и во Франции, и на старом континенте. В этом вся суть первого круглого стола — поместить в антропологическую и историческую перспективу. Изучение — внутри Шестиугольника — этого фонда практик и подходов будет предметом этого первого круглого стола. Но всё-таки: почему двум депутатам показалось правильным устроить коллоквиум об изучении НАЯ? Ты уже назвал несколько причин, Пьер, я продолжу пытаться их эксплицировать. Уже потому, что — надо это признать — это вызывает общественный интерес, а значит, оправдывает то, чтобы этим заняться, впервые, здесь же. Вспомним: когда CNES в марте 2007 года выложил в сеть 400 досье на своём сайте, сайт агентства был буквально взят штурмом. Он чуть было не рухнул. Космические исследования интересуют — это точно, и это тема, которая меня, к тому же, страстно увлекает, — но это надо соотносить с народной страстью к НЛО, которую всякий может наблюдать вокруг себя по ходу разговора. И с тех пор, как мы запустили идею коллоквиума, нас буквально осаждают сообщениями на наших парламентских почтовых ящиках. Каждый может это наблюдать вокруг себя, а тем более в разговорах в последние годы — между рассекречиваниями досье и документов, прежде секретных, Пентагона. Мы вернёмся к этому на третьем круглом столе, но также к спорным спекуляциям одного астрофизика — Ави Лёба, к кинематографической продукции, питающей внеземное воображение — я имею в виду прежде всего последний фильм Стивена Спилберга — этот вкус к тревожной нло-странности находит себе постоянное регенерирование. Измерения общественного мнения во Франции редки — по сравнению с США, которые делают это постоянно, — но, согласно последним опросам, я нашёл один, IFOP, заказанный посольством США во Франции в 2023 году: чуть больше одного француза из четырёх убеждён в существовании НЛО. Полагаю, с несколько предвзятой анкетой. Достаточно сказать, что это в любом случае свидетельствует о неанекдотической устойчивости этого вопроса. Как вы поняли, наше намерение — не сортировать верования, как ты сказал, не поддерживать один подход в ущерб другому, не участвовать в контroversиях между уфологами — а они есть, — но добиться того, чтобы это досье было открыто в стенах национального представительства. И посмотреть, что из этого выйдет, не строя воздушных замков. Идея, если пользоваться эвристической стратегией, предложенной социологом Робертом Мертоном, в том, чтобы специфицировать неведение — то есть принять его к сведению и дать себе средства прояснить эксплицитное знание о том, что ещё не известно, но должно быть известно, чтобы заложить основы других знаний. Без интриги: у нас будет возможность подтвердить в ходе круглых столов этого коллоквиума, что мы не начинаем с нуля и что есть простор для прогресса. Так что этот коллоквиум призван подвести итог, предложить направления, возможно рекомендации, и каждый на трибуне будет свободен изложить свои взгляды со знанием дела. Прежде чем начать, позвольте мне поблагодарить и попросить аплодировать наши команды — Пьера и мою, — которые не щадили усилий, поверьте, чтобы этот коллоквиум, довольно тяжёлый в организации, мог состояться в наилучших условиях.

Спасибо им. И без дальнейшего ожидания мы начнём с первого круглого стола. Прошу Пьера Лагранжа и Люка Дини подняться на сцену; и у нас будет первое выступление Жерома Лами и Доминика Пенсоля дистанционно, по видеосвязи. Они сегодня, увы, не смогли приехать, но они с нами в первой части. Затем мы передадим микрофон Пьеру, потом Люку.

Жером Лами (социолог науки, CESSP)

Итак, господин Лами и господин Пенсоль, вам слово. Проверим ваш микрофон, если возможно. Да, вы меня слышите? Да. Вы меня слышите? Совершенно верно. Вам слово. Пожалуйста. Большое спасибо. Итак, вместе с Домиником мы начали в январе 2026 года социально-историческое исследование о Группе по изучению и информации о неопознанных аэрокосмических явлениях — GEIPAN, — организации, основанной в 1977 году внутри Национального центра космических исследований, CNES. Это исследование, которое мы начали, финансируется CNES в рамках его ежегодного конкурса проектов. Нас особенно интересуют формирование GEIPAN, его практики, его процессы экспертизы и его коммуникационные механизмы. Наша позиция по объекту проста: у социальных наук есть интерес всерьёз изучать такой объект, как GEIPAN, ведь он позволяет ставить существенные вопросы — как с эпистемологической точки зрения (что представляет собой государственное учреждение, занимающееся необъяснёнными аэрокосмическими явлениями?), так и с гражданской. Какую роль играет такой государственный актор, как CNES, в экспертизе того, что ему сообщают граждане как относящееся, а priori, к необъяснимому? Как видно, нет никакого веского основания оставлять такую проблематику вне научного поля. Наша цель, задаваясь историей GEIPAN и сосредотачиваясь конкретнее на самом недавнем периоде, состояла в том, чтобы охладить горячий объект, деспектакуляризировать исследования, проработанные сильными аффектами. Наш вызов — как историка и социолога — восстановить социальные, политические, научные, технические и культурные логики, которые руководили основанием и увековечением нетипичного экспертного учреждения, призванного отвечать на вопросы гражданок и граждан, которые сталкиваются с явлениями, показавшимися им странными и для которых ни одно объяснение не показалось им очевидным. Мы, как это классически бывает в исследованиях социальных наук, провели интервью с различными вовлечёнными акторами, будь то ответственные лица GEIPAN, следователи или члены экспертного комитета. Мы также разобрали публичные и непубличные архивы GEIPAN: отчёты о расследованиях, протоколы заседаний. И мы включили в наш анализ анализ медиа — будь то пресса, радио или телевидение. Статьи и передачи, которые вывели на свет работу GEIPAN, были собраны, и эта обширная документальная матрица позволяет восстановить тонкое зерно учреждения, знавшего глубокие изменения в своей организации, но и в способах функционирования. Мы не будем их здесь детализировать, об этом ещё будет речь чуть позже. Наша цель — опираясь на GEIPAN, поразмышлять об интересе, которое государство через CNES придаёт изучению НАЯ. И нам представляется, что выкристаллизовались три структурирующих фактора, относительная значимость которых менялась в зависимости от периодов. Эти три фактора особенно заметны в аудите, заказанном CNES в 2001 году и подготовленном Франсуа Луанжем, самым историческим членом GEIPAN и специалистом по анализу изображений. Этот доклад основан на 33 интервью с руководителями и бывшими руководителями CNES и CNRS, военными ответственными лицами, учёными и научными журналистами. Он — хорошая отправная точка, чтобы уловить основные линии миссий, поручённых тому, что тогда

называли Службой экспертизы редких аэрокосмических явлений — SEpra. Из толстого доклада вырисовывается главная ось расследований, которые должна вести SEpra, — её можно связать с гражданским измерением. Важно отвечать на запрос со стороны общественности и медиа, а также определённых непосредственно заинтересованных государственных органов — национальной жандармерии, гражданской авиации, ВВС, гражданской безопасности — уместными объяснениями по поводу НАЯ. Доклад настаивает: «Государство должно располагать экспертизой — цитирую — и способностью к ответу в этой области, регалийный характер которой очевиден». Мы видим, что это гражданское основание нацелено на учёт озабоченностей граждан относительно наблюдений неопознанных аэрокосмических явлений — озабоченностей, которые одновременно транслируются, вероятно, поддерживаются и усиливаются медиа, особенно в течение этого десятилетия. Одним из индикаторов является растущая медийная известность GEIPAN, ставшего службой, всё более известной широкой публике. Мы не будем здесь распространяться о теориях современного государства, но можно просто отметить, что все они в целом ориентируются на учёт населения, понимаемого в его политических проявлениях, включая, стало быть, его тревоги. И заметим, что размышления о принципе предосторожности и о прозрачности принадлежат к той же матрице вопрошания, стремящейся вписать государственное действие в учёт не только его последствий, но и коллективных опасений, требующих бдительности, постановки вопроса или тревоги. Это гражданское измерение изучения атмосферных явлений — сильное требование, которое все акторы и акторки GEIPAN подчёркивали в ходе нашего исследования. И одно ключевое понятие позволяет понять, как было выстроено это государственное регулирование запроса — понятие странности. Странность, задуманная как порог беспокойства, сопряжённый с потребностью в объяснении. И все протоколы сбора свидетельских показаний, о которых мы беседовали с задействованными акторами, включают странность как камень преткновения расследований. Странность позволяет не отвергать заранее запросы и, в некотором смысле, предлагает гибкую структуру приёма для свидетельств, разнообразных по форме и гетерогенных по степени точности. И это понятие странности позволяет уловить, как была задумана вторая ось расследования SEpra-GEIPAN — научное расследование. Франсуа Луанж в докладе 2001 года напоминал, что первичное обоснование SEpra-GEIPAN состояло в применении научного подхода — цитирую — «базового, состоящего, когда в природе наблюдаются неизвестные или необычные явления, в их рациональном объяснении, либо путём воспроизведения, либо, за неимением такового, путём повторения и уточнения их наблюдения с целью характеристики и возможной моделизации». И вопрос важен. Речь о разработке метода, позволяющего подходить к тематике научно и определять, какие типы явлений могут соответствовать сообщённым наблюдениям. Различные опрошенные акторы в нашем исследовании относительно единодушны. Неправоммерно сравнивать GEIPAN с классической исследовательской лабораторией, которая производила бы новые знания, оценённые коллегами в научном поле, проработанном нормами веридикции и доказательства, проходящего, например, через воспроизведение экспериментов. Но можно согласиться, что работы GEIPAN относятся к режиму рационализации, заимствующему из судебного подхода. Искомые или собранные доказательства относятся к разряду улики. Улика может быть очень надёжной и, таким образом, дать вполне уместное объяснение. Иногда индициарная конъектура позволяет породить лишь речь о вероятном, с меняющимися степенями. Но во всех случаях произведённая экспертиза удерживает доказательство и рациональное объяснение как незыблемый горизонт ожидания. В интервью акторы и акторки GEIPAN все без исключения демонстрируют крайнюю осторожность в продвижении

своих выводов. Прежде всего свидетельство, которое очень часто является отправной точкой расследования, не воспринимается как что-то большее, чем один элемент среди других в реконструкции явления, подлежащего объяснению. К нему относятся с глубоким уважением, но и не сакрализуют, поскольку его хрупкость известна, а его податливость общеизвестна. К нему изначально относятся как к достойному интереса, но его надёжность всегда будет поставлена под вопрос — как, впрочем, и все другие собранные элементы, возможно, в ходе расследования. Последняя ось, структурирующая миссию GEIPAN, касается национальной обороны. Этот элемент мало присутствовал в докладе 2001 года, но за последние годы усилился, как показывает эволюция журналистских ракурсов в медийном освещении GEIPAN. Тогда как до 2000-х службу скорее ассоциировали с паранормальным или с науками о космосе, с тех пор её связывают с вопросами воздушной безопасности и национальной обороны. Уфологическое возрождение в США последних лет десяти, внутренне связанное с темой военной тайны, здесь тоже играет роль. Но можно предположить, что недавние международные напряжения, а также новые технологии в области шпионажа или атаки беспилотниками также подтолкнули правительства и генеральные штабы интересоваться странными аэрокосмическими явлениями. Поэтому поразительно констатировать разрыв между, с одной стороны, фантазиями, обычно ассоциируемыми с НЛО, и, с другой, весьма рутинным, весьма прагматичным, рациональным характером деятельности GEIPAN, особенно с момента переустройства службы около двадцати лет назад. На вопрос «являются ли НЛО серьёзной темой?» французское государство уже давно отвечает по-своему, отдавая приоритет коммуникации с общественностью, не оставляя при этом в стороне военные и научные ставки. Благодарю вас за внимание. Я только восстановлю видеосвязь, пока она не отключилась. Господин Пенсоль, 30 секунд. Политика — это порой большая гибкость. Мы разделим на две части первое выступление, передадим микрофон Пьеру Лагранжу, а потом закончим первое выступление сразу после. Но я думаю, у всех нить в голове. Должно оставаться в контакте — вот, есть.

Пьер Лагранж (антрополог, ENESS)

Большое спасибо. Спасибо за приглашение. Хочу вспомнить: я интересуюсь этой темой уже 40 лет, и хочу сказать, что 40 лет назад я никогда бы не вообразил оказаться здесь, чтобы говорить об НЛО. И даже сегодня, я должен сказать, — итак, я социолог, я изучал научные контroversии, как и Арно, я социолог наук. И вот уже 40 лет и по сей день, всякий раз, когда меня спрашивают об НЛО, мне ставят всё тот же вопрос. Почему часть людей верит в эти вещи? В сущности, почему люди верят в то, чего не существует? И меня просят объяснить, почему часть населения впала в иррациональное. Однако то, что мы видим сегодня, в частности на этом собрании, это что ситуация всё-таки чуть-чуть эволюционировала. Проблема больше не ставится исключительно в этих терминах. Но так по-прежнему часто бывает. Я, в частности, интересовался тем, как начались дебаты о летающих тарелках — в ту эпоху их называли летающими тарелками — в США в 1947 году. И часто эти дебаты подаются как возникновение народного верования, явления иррациональности, Я подойду ближе, так лучше. Итак, это часто подаётся как возникновение явления народной веры и верования, будто бы связанного либо с научной фантастикой, либо с холодной войной. Те, кто это говорит, не читали статей прессы, потому что я ездил в США, я перерыл прессу того времени, и что вполне уникально в начинающихся дебатах о летающих тарелках, это то, что это вовсе не дебаты, противопоставляющие верующих и неверующих; это вовсе не дебаты, материализующие возникновение народного верования; это дебаты,

которые на самом деле материализуют возникновение веры в верования других. Вы понимаете, что я имею в виду: то есть в 1947 году у вас нет людей, выходящих из леса и объясняющих, что они видели летающие тарелки и верят в них. У вас есть дебаты, рождающиеся в прессе, состоящие в вопросе, почему этот визионерский слух распространяется. И как только дебаты начинаются, их сближают с двумя другими феноменами. Вы быстро поймёте почему. Итак, один из упоминаемых феноменов — Орсон Уэллс, паника, якобы вызванная Орсоном Уэллсом в 1938 году. И вот, в русле моего интереса к летающим тарелкам, долгое время я, разумеется, был вынужден обращаться к этой истории с Орсоном Уэллсом, и я расследовал это дело. И на самом деле, когда ищешь, когда пересматриваешь прессу и события того времени, то обнаруживаешь, что знаменитой паники, вызванной Орсоном Уэллсом, никогда не было. Это изобретение медиа и элит на следующий день. Так что фактически, сравнивая летающие тарелки со страхом от Орсона Уэллса, участвуют в стигматизации части публики как легковерной и иррациональной. А другое явление, которое упоминается летом 47-го, когда говорили о летающих тарелках, — это лохнесское чудовище. Лохнесское чудовище родилось в 1933-м, и в целом газеты объясняют, что летающие тарелки — это аэродинамическая версия лохнесского чудовища. Но и здесь, когда снова погружаешься в 1933 год, в прессу о лохнесском чудовище, констатируешь, что не то, чтобы люди начали верить, что в шотландском озере есть чудовище, а что имеется своего рода увлечение, зачарованность этой легковерностью, которая якобы вдруг охватила шотландцев. И видно, как лондонские журналисты снаряжаются в колониальных охотников, чтобы ехать смеяться над шотландцами и спрашивать, почему эти бедные шотландцы страдают галлюцинациями и видят морских змей в своём озере. Так что очень интересно в этом сюжете то, что и сегодня, как только он ставится, ставится он неправильно. И настоящая проблема — как поставить вопрос об этом сюжете? Ведь именно всегда пытаются изолировать верование, легковерие, ту часть публики, которая, дескать, иррациональна. Однако настоящая проблема — наша одержимость, буквально, находить иррациональное легковерие. Мы живём в обществе, которое построилось за последние четыре века на своём отделении от природы, что состояло именно в том, чтобы конституировать нас как общество, которое хотело отличать себя и от природы, и от других народов, так называемых диких народов, а внутри нашего общества — от той части населения, которая считалась суеверной: женщины были истеричками, крестьяне — суеверны, толпы — иррациональны. И так вот, летающие тарелки — один из побочных продуктов этого усилия модернизации, состоявшего в построении нашего общества на конструировании полей, и в маргинализации части других акторов. Модерн, казалось, стоил именно этой цены — исключения части других. И потому проблема — поскольку я не занимаюсь той социологией, которую от меня ждут, а именно мой интерес — социология и науки, — один из моих вопросов состоял в попытке понять: как заставить эти дебаты эволюционировать, как выйти из этого систематического обвинения других как легковерных и иррациональных, и как попытаться сконструировать этот объект как объект, достойный изучения, достойный внимания, — примерно как мы пытаемся сделать сегодня. И это, собственно, произошло. И прежде всего, на протяжении всей истории НЛО, поддерживалась целая серия двусмысленностей. В частности, об отношениях НЛО с наукой. И потому что очень быстро, в 1947-м, вначале, журналисты нашли военных, поскольку считалось, что это секретное оружие. Очень быстро военные им отвечают, что нет, это не соответствует ничему из того, что может летать в небе. Но прежде всего военные сразу превращаются в психологов, задаваясь вопросом, что за свидетели, которые рассказывают, будто видели что-то. Так что сразу обсуждение сворачивает к

психологизации дебатов. И интересно, что журналисты очень быстро обращаются к учёным. Они идут к астрономам, идут к физикам, чтобы попытаться идентифицировать эти вещи. И здесь также учёные, совершенно не изучавшие тему, никогда в тот момент не встречавшиеся со свидетелями, услышавшие о феномене только по газетным репортажам, но большинство этих учёных превращается в спонтанных психологов и социологов и начинают обсуждать, разглазговать о народной легковёрности. Итак, видно, что тема будет так эволюционировать десятилетиями, и придётся ждать, пока ВВС США, начиная с 1947-1948 годов, не поручат явно учёным изучать тему, чтобы некоторые инженеры и астрономы — в частности, астроном, ныне знаменитый, Хайнек, работавший в Чикагской обсерватории и расследовавший эту тему для армии около двадцати лет, — чтобы эти исследователи столкнулись с фактами на протяжении долгих лет, чтобы понемногу ситуация начала эволюционировать. Итак, что весьма интересно — эта проблема, с самого начала, постоянно ставилась неверно. Её постоянно отсылали ко всем этим вопросам, относящимся к иррациональному. И сегодня можно задаться вопросом, действительно ли мы пришли к ситуации, где, возможно, мы можем рассмотреть, поставить проблему иначе, воспринять её всерьёз, или же мы находимся в скобках — по каким причинам? И здесь я хотел бы, если у меня осталось немного времени? Пять минут, о'кей. Я хотел бы также упомянуть, что между моментом, когда я начал интересоваться этими темами, и сегодняшним днём — поскольку дебаты можно попытаться поставить в научной плоскости, надо отметить, что наука очень изменилась. Когда я начинал изучать этот феномен, наука была, в общем, на службе западной цивилизации и на службе западного прогресса. Так что это была наука с довольно точной целью. Сегодня всё больше учёных считают, что они больше не только на службе западного прогресса, а на службе общего интереса живого. Мы сменили дебаты. Итак, может ли вопрос об НЛО стать частью способа обновить научные вопросы, введя новых акторов и трансформировав дебаты, целью которых было, грубо говоря, просто объяснить вещи, колонизировать природу? Таков был принцип науки очень долгое время. Природа была построена как склад ресурсов, которые надо было эксплуатировать, доминировать, покорять. И сегодня наука эволюционировала, и под воздействием, в частности, экологического кризиса, научные дебаты чрезвычайно трансформировались, что позволяет надеяться, что дебаты по темам, подобным нашей, тоже смогут эволюционировать следом. И здесь ещё одно замечание: дебаты об НЛО эволюционировали, но довольно парадоксальным образом с 90-х годов. Не знаю, много ли здесь тех, кто смотрел «Секретные материалы», полагаю, что да. Я интересовался этой темой с начала 80-х. И начиная с 1995 года кое-что изменилось. Мы перешли от мира, где наука служила прогрессу, где НЛО были формой легковёрия, к дебатам, где вслед за сериалом «Секретные материалы» и дебатами о деле Розуэлл публичные дебаты по этим темам преобразились. Мы перешли от обвинения в иррациональности к обвинению в конспирологии. И здесь тоже есть очень интересный пункт — то есть, с одной стороны, мы увидели, как эти темы набрали популярность: в то время как до 90-х годов эти темы были совершенно подпольными, с 1995-го они стали всё более заметными. Но они стали всё более заметными потому, что их стали разоблачать гораздо жёстче. Раньше их разоблачали как иррациональные. Начиная с 1995 года, их стали разоблачать как конспирологические верования. И понятие конспирологии стало захватывать всё общество. Потому что когда в 80-х говорили об иррациональных явлениях, это были нишевые явления. НЛО были чем-то относительно маргинальным. Начиная с 95-го и с возникновением обвинений в конспирологии, мы увидели, как эти дебаты трансформировались, но также и общественные дебаты. То есть мы вступили в эпоху, в которой, на мой взгляд, под воздействием нескольких факторов — возникновения

Интернета, расширившего демократию, демократический дебат, и возникновения экологического вопроса — произошла трансформация отношений к наукам, а также отношений между элитами и обществом. И старые элиты, которые до тех пор имели монополию на слово, поскольку СМИ были доступны немногим, оказались перед лицом новых медиа, позволявших каждому взять слово. И это, я думаю, преобразило тему, но преобразило её, видите, довольно парадоксально. То есть, с одной стороны, мы увидели, как эта тема набрала аудиторию, поэтому мы и собрались здесь сегодня. Но с другой стороны, более тёмный, я бы сказал, аспект — мы также видели, как наши общества разделились надвое по поводу этих обвинений в конспирологии, охватывающих всё общество. Так что я не уверен, что мы выиграли раунд, — скажем, что-то происходит, но это будет зависеть от того, насколько мы будем способны овладеть этой темой и сделать из неё что-то, что выйдет за рамки простой общественной войны между теми, кто считает, что у них монополия на разум, и теми, кто считает её иррациональной и подлежащей отстранению, в этих дебатах, которые, я думаю, обязывают нас всех. Благодарю вас. Большое спасибо. Мы закончим первое выступление, это немного когнитивной гимнастики, — от Доминика Пенсоля, если он меня слышит. Большое спасибо. На самом деле мы с Жеромом составляли наш текст вдвоём, так что я предпочитаю подождать, чтобы отреагировать на будущие вопросы, и отдать время слова другим. Нечего добавить? Нет, я передал очередь. О'кей. Хорошо, тогда переходим к выступлению Люка Дини, который в принципе должен был. Пьер? Да, о'кей.

Люк Дини (инженер, председатель комиссии SIGMA2, ЗАФ)

Здравствуйте, дамы и господа, господа депутаты, спасибо за то, что вы устроили эту встречу об НЛО, о НАЯ. Первый вопрос: верю ли я в НЛО? Являются ли НЛО фантазией? Или это нечто иное? После определённого числа лет в технической деятельности, и в частности в Ассоциации аэронавтики и астронавтики Франции, которая не является консалтинговым кабинетом парапсихологии, а является так называемым учёным обществом, работающим над аэронавтикой и космосом с промышленными группами, государственными инстанциями, включая CNES, Генеральную дирекцию вооружений, а также гражданскую авиацию, решительно и ясно, мы имеем дело с физическими явлениями, физическими явлениями, которые наблюдаются и записываются. Разумеется, вокруг констатации этих явлений может происходить порождение фантазий, верований, это само собой. Следующий слайд. То, что я хочу вам объяснить в нескольких словах, — что такое комиссия Sigma 2, которую я возглавляю в Ассоциации аэронавтики и астронавтики Франции. На самом деле эта комиссия была создана в 2008 году ЗАФ. Как продолжение, кстати, или в преемственности комиссии, которая называется Комитет углублённых исследований. Возложенная миссия — вести работы научного характера над тем, что такое неопознанные аэрокосмические явления. Для этого мы использовали, так сказать, компас, который у вас на этом рисунке и который представляет пять осей работы. Во-первых, документальный поиск и базы данных, потому что говорить о НАЯ часами — одно. Смотреть, что за данные, и пытаться их анализировать — другое, это позволяет продвигаться. Очевидно, наши данные, и мы работаем тесно с GEIPAN, с CNES, я к этому вернусь. Через сотрудничество мы также можем способствовать, посредством взаимных коммуникаций, обмену информацией, в частности с зарубежными инстанциями. Как только эти данные у нас есть, что мы можем делать? Мы можем

делать анализ случаев и, значит, по-настоящему углубиться, попытаться понять, что произошло, что наблюдалось, что было записано. Мы также ведём физические исследования — физические исследования по излучениям, физические исследования по взаимодействию между неопознанными аэрокосмическими явлениями и окружающей средой, например с атмосферой. И для этого, разумеется, нам нужны средства наблюдения или интересоваться средствами наблюдения. Это пятая ось. Комиссия включает около тридцати человек различного происхождения, с очень сильной оборонной осью. У нас, кстати, сегодня среди нас несколько генеральных инженеров или контр-адмиралов, лётчиков-истребителей, генерал воздушной бригады. Так что видите, есть военные, снова серьёзные люди. И у нас есть исследователи из гражданской и военной сферы, но также психологи и, значит, врачи. Его нет сегодня, но, как видите, у нас очень разнообразный состав. Итак, следующий слайд. Что мы делаем с этими компетенциями? Я не буду вам делать доклад о GEIPAN, потому что Фредерик Курта сделает это гораздо лучше меня чуть позже. Просто, что нужно понять, — это как работают во Франции. Верхняя часть, если хотите, — это часть, отведённая официальному агентству, которое есть GEIPAN. Его миссия — во-первых, действительно получать некоторое число свидетельств и, отталкиваясь от этого, вести расследования, полевые расследования. Чего мы совсем не делаем, кстати, — комиссия Sigma 2. Это не наше призвание. Отталкиваясь отсюда, будет вестись обсуждение с учётом результатов полевого расследования, экспертами — экспертами коллегии GEIPAN. Некоторые из комиссии Sigma 2 участвуют в этих работах и вносят вклад в классификацию этих случаев. Неопознанные случаи — это случаи D, а также случаи, которые хорошо опознаны, надёжны и т. д. Я не вхожу в подробности механизма, но GEIPAN обеспечивает интерфейс со свидетелями, с жандармерией, с BBC и Космическими силами. Мы, по сути, находимся в нижней части диаграммы, если хотите, где ведём работы по отбору случаев, углублённые анализы, чтобы попробовать увидеть, действительно ли, в последнем усилии, мы способны объяснить или нет эти явления. И даже когда мы их не объясняем, тогда то, что мы пытаемся сделать, — это охарактеризовать их, то есть попытаться очертить аномалию. Чтобы понять лучше позднее, возможно, объяснить, или, наоборот, продвинуться в науке и технике. И это делается на французской территории, но и в сотрудничестве с другими. Мы делали анализ случаев, например для Чили. Я вернусь к этому через минуту. Следующий слайд. Так вот, если хотите, в этом своего рода бестиарии у вас случаи, обведённые красным. Это всё, что соответствует неизвестному, непонятому явлению. Наверху у вас рисунки, соответствующие эскизам, сделанным пилотами и вторыми пилотами Air France, которые несколько лет назад столкнулись с наблюдением НЛО, НАЯ, в французском небе. Странно, почему? Потому что это удлинённые формы, меняющие форму, становящиеся заострёнными формами и т. д. Одной из характеристик, помимо необычайных ускорений, констатируемых во многих случаях, является, например, изменение формы. Разумеется, у нас есть специалисты, работающие над эффектами молний, шаровых молний и т. д. Так что удаётся иметь синие квадраты, если хотите, вещи, которые удаётся идентифицировать. Тем не менее есть объекты, которые ускользают от объяснений и ставят очень интересные вопросы. Какая физика ими управляет? Каково взаимодействие с окружающей средой? И потом — идёт ли речь об аппаратах происхождения X или Y? Возможно, китайских, возможно, российских, это вопросы, которые задавали американцы, возможно, приходящих откуда-то ещё. Но в этих условиях какая физика их приводит в движение? Следующий слайд. Следующий. Здесь я объясню вам, какой у нас метод работы. У вас в данном случае своего рода резюме, которое я попытаюсь объяснить просто, о случае, который эквивалент GEIPAN в Чили нам представил в январе 2017 года. О чём речь? Вертолёт, который вы

видите в левом углу внизу — вертолёт чилийского флота, оборудованный инфракрасной камерой и камерой видимого спектра, — видит объект. И этот объект, воспринятый камерой, — посередине у вас серые виньетки, где видны своего рода чёрные пятна. Эти чёрные пятна — инфракрасные излучения. Итак, чилийцы нам говорят: «Послушайте, всё просто, у нас объект, который мы не понимаем, он не виден на радаре, у нас инфракрасная камера, которая даёт нам сигнал, что это?» Копнув чуть глубже, мы поняли, что они говорят «невидим на радаре», но мы им сказали: «У вас есть радарные данные, которыми вы нас снабдили, — как и инфракрасные?»

Отталкиваясь от этого, мы смогли работать и провели довольно исчерпывающую инвентаризацию воздушного движения вокруг Сантьяго-де-Чили. Благодаря нашим специалистам по инфракрасному, а также радарному обнаружению, мы смогли сопоставить информацию, а также сделать тепловое моделирование различных самолётов, в том числе Airbus A340. Итог, если хотите, — следующая последовательность. В точке номер 1, по сути, ничего не видно, потому что самолёт рассматривается примерно с 80 км прямо в лоб. Инфракрасный сигнал камерой не обнаруживается. В точке номер 2 у нас самолёт, начинающий разворот. Мы видим его слегка сбоку. У нас три горячие точки. И всё это начинает хорошо сходиться. А в точке номер 3 самолёт удаляется, набирает высоту. И в итоге мы найдём его на высоте 9000 метров, на расстоянии 180 км, с конденсационным следом. Вы мне скажете: в итоге тут никакой тайны, не очень интересно. Наоборот, интересно, потому что это позволяет проверить средства анализа и, значит, нашу способность в конечном счёте объяснять. Если наша способность объяснять сталкивается с неизвестным, тогда мы можем сказать себе, что тут действительно есть проблема, и постараемся очертить эту проблему. Следующий слайд. Следующий случай довольно интересен, он произошёл в 2007 году на Нормандских островах. Региональный транспортный самолёт — вы видите справа кабину — снижается по маршруту север-юг к островам, и капитан видит на борту, как в его поле зрения материализуется НЛО. Интересно то, что он сделал набросок, и главный диспетчер Джерси констатирует, что имеется радарный след длиной в несколько сотен метров. Так что, если хотите, это скорее ненормально. Возникает вопрос: о чём идёт речь? На следующем слайде я не буду входить в детали, потому что это было бы слишком долго. Нет, следующий, пожалуйста. Ещё раз спасибо. По сути, мы предпринимаем тщательный анализ радарных эхо. Это как пазл, если хотите. И в этом пазле, что мы делаем? Здесь у нас два радара, если хотите, которые нацеливаются. Один радар, находящийся в Джерси, с красной линией, идущей к P1 — это трасса 1, и радар, соответствующий синей линии, идущий из Гернси. Мы сопоставляем информацию, и, по сути, наблюдаем очень значительные колебания, с очень высокими уровнями отражательной способности радара. Заклучу очень быстро. Мы не нашли решения. Мы всё ещё пытаемся над этим работать. Мы попытаемся подключить новых экспертов к нашим анализам. Но что точно, если хотите, — есть соответствие между этим типом очень интенсивных радарных эхо и тем, что видел главный диспетчер в Джерси. Что это? Мы не знаем. Итак, вот, я бы сказал, другой метод, другое расследование по анализу эффектов радаров, эффектов НАЯ.

Следующий слайд. Я не буду вдаваться в детали по этому, но Жак Валле, хорошо известный в среде уфологии и наук, предоставил нам несколько металлических образцов, которые мы обрабатывали несколько лет назад, чтобы попытаться понять, из чего они сделаны. У нас также была два года назад возможность провести анализ коры, которая была облучена НАЯ, я бы сказал, считавшимся необъяснённым ВВС США, и мы пришли к выводу, что эта кора была облучена очень высоким уровнем энергии и мощности порядка 600 МВт. То есть мощность атомной электростанции. Так что вот такие работы, которыми мы занимаемся. Последний слайд. Хочу подойти, в сущности,

к нашим рекомендациям. Первое — во Франции у нас есть существующая структура, для которой нужно больше данных. Вы хорошо поняли, что свидетельств много — человеческих свидетельств. Нам нужны больше записей, чтобы иметь возможность копнуть тему и лучше охарактеризовать неопознанные аэрокосмические явления. И так, одно замечание, если хотите, одна рекомендация — иметь связи между базами данных, в частности с базой данных CNES, с большим объёмом технических данных. Также стимулирование пилотов и диспетчеров предоставлять собственные свидетельства. Многие не решаются это делать. Далее — вести углублённые исследования в рамках экспертов GEIPAN на основе этих новых полей данных, физических данных, которые позволили бы продвигаться. Также вести физические исследования — то, что мы пытаемся делать в 3AF, Sigma 2, в связке с инженерными школами или университетами. Это значит работать над материей и, значит, нормализовать тему, ведя исследования. Работаем также над возможностями наблюдения. Лаборатория исследований молний, директор которой входит в комиссию Sigma 2, также, я бы сказал, согласилась предоставить нам некоторое количество данных, чтобы мы могли испытать методы искусственного интеллекта и попытаться очертить странные явления. И так. Резюме — эта комиссия здесь не для того, чтобы заниматься фантазиями. Она здесь не для того, чтобы заниматься воображаемым; она здесь, чтобы заниматься физической реальностью и пытаться внести — будь то в CNES и GEIPAN во Франции или в зарубежные агентства — некоторые объяснения реальности этих явлений. Благодарю.

Вопросы и ответы после первого круглого стола

Спасибо, что держали хронометр строго. У нас небольшая 15-минутная сессия вопросов-ответов, которую мы начнём с Пьера. А потом мы пустим микрофон. Но здесь надо быть очень эффективным. Формат в собрании — одна минута максимум. Но правда, это ужасно. Мы это знаем. Это атрофия слова. В вопросах будьте кратки. Тогда ответы будут по существу. И так, у меня, возможно, первый вопрос. По сути, выступления были одновременно взаимодополняющими, кумулятивными и в то же время не совсем согласованными, у меня такое впечатление, в частности по вопросу верований и т. д. И о реальности феномена, что, с социологической или антропологической точки зрения, не обязательно является главным интересом. И с точки зрения исследования, я задавался очень интуитивно вопросом, как конструируется также форма междисциплинарности по этим вопросам, учитывая, что здесь у нас инженерия, физика, астрономия, но также гуманитарные и социальные науки. Первый вопрос, который я хотел бы вам задать, во всяком случае первым панелистам, — вопрос о том, как изготавливается пространство знания, одновременно кумулятивного, междисциплинарного и стремящегося всё ближе подходить к знанию этих явлений. Первый вопрос, который, признаю, не совсем очевиден. И так, вопрос именно в том, какое явление мы, собственно, ищем. Понимается ли под явлением повторяющееся физическое явление, являющееся объектом наблюдений и сопротивляющееся объяснениям, скажем, конвенциональным, или под явлением понимается явление прежде всего наблюдения, и явление, скажем, социальное, и политический и гражданский запрос. По сути, вопрос НЛО всегда между двумя. С социологической точки зрения, во всяком случае истории и социологии наук, рефлекс, который виден в GEIPAN, — это на самом деле сначала рефлекс накопления данных, нормализации этих данных, создания базы данных, из которой можно работать, из которой можно исключить целый ряд случаев; об этом ещё, я думаю, не говорили, но необъяснённые случаи в базе данных GEIPAN очень маргинальны, порядка 2 или 3 %.

И затем, цель этой базы данных — предоставить её в распоряжение каждому, чтобы, возможно, провести более углублённые исследования, а то и статистику, в частности по необъяснённым случаям. Но, скажем, первый рефлекс для изучения явления с необходимыми кавычками — это прежде всего накопление данных. И по этой работе есть целая методология, которой сейчас полвека, вводившаяся постепенно, и которая сегодня позволяет иметь публичную базу данных, вполне прозрачную, полностью в сети, которая позволяет иметь исследования случаев, которые можно сравнивать, и на основе которых можно, возможно, делать другую статистику. Проблема с НЛО в том, что когда видишь реакции, которые это вызвало с самого начала, с 1947 года, я думаю, интересно продвинуться чуть дальше в прошлое, потому что, по сути, НЛО — это данные-свидетельства. Однако построение современных наук, между XVII веком и сегодняшним днём, происходило именно на основе данных-свидетельств, но с очень быстрым выходом из этой области свидетельства, чтобы преобразовать свидетельства учёных в наблюдения, а учёных — в инструменты, и снабдить их инструментами, позволявшими именно обойтись без дебатов о субъективности. Итак, проблема НЛО с самого начала — что это явление, которое соответствует тому типу науки, которая делалась в XVII веке, которую делал Роберт Бойль. Потому что у Бойля было одновременно и данные, полученные с помощью инструментов, но и много данных, относящихся к свидетельству. В трудах журналов Королевского общества XVII и XVIII веков — истории воздушных явлений, озёрных явлений, множество вещей, относящихся к наблюдению. И именно когда смотришь на эволюцию и построение истории западных наук, все эти данные были быстро исключены. Или же в случае зоологии или других областей, или метеорологии, наблюдателей, свидетелей превратили в инструменты. Так что, по сути, проблема НЛО — как научиться брать данные, которые, по сути, были исключены из научного поля. Чтобы восстановить нечто, что было бы легитимной наукой, но что, как только выходишь из узких сетей, построенных уфологией, понимаешь, что это не держится очень долго. Итак, здесь есть действительно важная ставка — как удержать эти данные, когда веками работа науки состояла в том, чтобы выбрасывать их за борт, если говорить откровенно. Так что тут проблема. У нас есть то, что до сих пор никогда не удавалось удержать, потому что это считалось данными, которые именно не позволяли конституировать факты — то, что называют фактами в науке. И маленькое замечание в сторону: когда вы начали своё выступление, вы сказали, здесь мы не занимаемся парапсихологией. Могу ли я любезно напомнить, что парапсихология имеет академическое существование гораздо более обеспеченное, чем уфология? Это была не критика парапсихологии, это было признание невежества. Мы озабочены НАЯ, а не парапсихологией, но это область весьма интересная. Кстати, у нас в команде Sigma 2 есть философ, способный прочесть нам курс о Декарте и НЛО. Но можно говорить о Камиле Фламарионе и парапсихологии, и т. д. В конце концов, это вопрос выбора темы. Вот и всё. Но Декарт был как раз среди тех, кто исключил НЛО. Трактат о метеорах — это трактат в духе Мензеля в XVII веке. Это трактат, который исключил наблюдаемые явления как не относящиеся к экспериментальной философии. В этом проблема. Нужно всё это заново интегрировать, по сути, свидетельства, а также физические данные, на которых я много настаивал. Свидетельство несомненно важно, поскольку это первые элементы, которые позволили заметить существование этих явлений. Что до знания, что такое эти явления, то иметь измеримые величины — это другая история, и это трудность. Сейчас у нас, я бы сказал, в наших работах, например, работы, проводимые психологом, по, я бы сказал, влиянию близких контактов на психологию свидетелей. Это одно. С другой стороны, как я вам объяснил и не буду начинать заново, мы пытаемся, я бы сказал, добывать данные — радарного, оптического или иного происхождения — о

наблюдаемых явлениях. Тем не менее есть немного промежуточный аспект — одновременно смотреть, взаимодействие между явлением и средой. Итак, будет производиться излучение. Проистекает ли оно от самого явления или от взаимодействия явления, например, с атмосферной средой? И вы можете иметь совершенно то же самое на человеке. То есть можно констатировать близкий контакт, и этот близкий контакт будет содержать маркеры, которые останутся, я бы сказал, отпечатанными в теле человека, и вызовет излучения и т. д., и т. п., что также может направлять на указания об источнике, я бы сказал, исходящем от явления. Но всё это довольно значительная и медленная работа. Жером, может быть, это подхватил. Мы разделили работу с Домиником, отвечает он. Ах да, хорошо. Он ответил, значит, отлично. Спасибо. Пьер, у тебя есть вопрос? У нас есть место, возможно, для двух очень коротких вопросов, вы поняли правило. У нас есть микрофоны, которые будут переходить. И каждый раз чередуем — мужчины-женщины, женщины-мужчины. Вы хорошо видели, что... Да, три минуты. Александр Шелдон Дюпле, я в отпуске из исторической службы обороны. Выступаю от своего лица. Вопрос к вам, господа парламентарии. Я хотел бы узнать, почему во вступлении вы не процитировали ваших американских коллег, которые высказались на этой неделе и на предыдущей. И термины их подачи темы имеют такой, я бы сказал, контраст с тем, что вы сказали, что заслуживают быть подчёркнутыми. У нас есть представительница Флориды, Луна, которая попросила Белый дом защитить осведомителей, которые могут привести кого угодно к местам, где находятся собранные аппараты и биологические останки нечеловеческих существ. И я цитирую представительницу Флориды Паолу Луну. Мы затронем эти вопросы конкретно на третьем круглом столе. И у нас нет ответа на всё. Вы хорошо поняли, что ставка этого коллоквиума — сместить фокус в сторону Франции. В Соединённых Штатах действительно большая актуальность. Но я думаю, это также накладывается на понимание объекта со старого континента, и это пари, которое мы сделали, оно, без сомнения, обсуждаемо, но, во всяком случае, мы завязываем дебаты. Здравствуйте, итак, Розалин Далмеда, я геоматик, у меня есть вопрос относительно как раз интеграции проблематик, связанных с социальной психологией и, возможно, также с ракурсом психологии, потому что в случаях, например, я не знаю, будь то свидетельства или, возможно, даже встречи, во всяком случае, всегда есть человеческий аспект, который проходит через этот тип проблематик. И следовательно, я хотел бы знать, есть ли достаточно важная вовлечённость социологов, психологов или даже других, которые могли бы быть способны напрямую соотнести именно наблюдения, которые полностью физические и материальные, с человеческими восприятиями и всеми искажениями, а также, как сказать, культурными и общими аспектами, которые с этим связаны. Вот. Пьер, ты хочешь ответить максимум за полторы минуты? Не уверен, что у меня есть — есть сегодня психологи, работающие над тем, что называют экстраординарными опытами, это как раз от парапсихологии до уфологии, охватывает широкий спектр опытов, и которые собирают эти факты, анализируют их без редукционистской позиции, как это могло делаться долгое время. Поэтому я думаю, нужно было бы обратиться к такого рода людям. Но есть работы, которые существуют уже много лет. Так что я не эксперт по этим темам. Я хотел лишь отметить их существование. Мы перейдём ко второму круглому столу. Спасибо за этот первый залп. Это был хороший способ войти в тему. Итак, я приглашаю Фредерика Курта, Матьё Куртабана, Жереми Мойалья, Микаэля Вайана и Жилия Мюнша, пожалуйста. Итак, после того как начали вскрывать бреши и размышлять о способах конструирования этой гаммы объектов, явлений, с ракурса гуманитарных наук, а также о том, что производит комиссия Sigma 2 с методами и т. д., переходим к круглому столу об официальных работах над НАЯ GEIPAN и BBC и

Космических сил. Продолжим эксплицировать «как». Важно знать, как работают над этими вопросами. Начинаем с Фредерика Курта, директора GEIPAN, которого я живо благодарю за то, что приехал сюда, несмотря на проблемы с поездами и т. д.

Фредерик Курта (руководитель, GEIPAN)

В ответ благодарю вас за организацию этой второй половины дня. Я возглавляю GEIPAN два с половиной года. Итак, GEPAN, предшественник GEIPAN, был создан, можно сказать, даже придуман, почти 50 лет назад. Это была эпоха, сильно отмеченная наблюдениями НЛО, а иногда даже волнами наблюдений НЛО, которые увлекали настолько же, насколько могли встревожить целый слой населения. И вот в середине 1970-х годов министр вооружённых сил Робер Галле остановился в одном интервью на этом состоянии дел, настаивая на малоизученности этих явлений или объектов, наблюдаемых в небе, которые не могли так оставаться, поскольку могли вызвать как минимум беспокойство, или риски для воздушного движения — сектора, в ту эпоху бурно развивавшегося. Речь также шла о том, чтобы изучать эти явления, окрещённые НАЯ, рационально, с привлечением науки, потому что большинство анализов, которые делались тогда, по крайней мере тех, что попадали в медиа, склонялись более или менее разумно к сенсационному, принося в итоге больше вопросов, чем ответов. Действующий президент CNES в тот период поддержал этот подход, предоставив научное покровительство, которое в некотором смысле легитимизировало орган, посвящённый изучению этих явлений. Затем Юбер Кюрвен, сменивший его во главе CNES, включил GEPAN в свою организационную структуру в 1977 году. Клод Поэр, который был первым директором GEPAN, был поставлен организовать его новые виды деятельности для дома CNES. К нему прикрепили персонал, средства для функционирования, следя за тем, чтобы то, что выходит из изучения этих явлений, было научно обосновано, с научным советом, который был назначен напрямую президентом CNES, и этот совет отвечал за валидацию. Валидация этих исследований никак не должна была подрывать научный образ CNES, который был пионером космических наук с 1962 года. Итак, GEPAN быстро получил медийное внимание, ему приписывались миссии по исследованиям НЛО, о внеземной гипотезе, и он пережил фазу экспансии до 1988 года, когда его заменил SEPRA — служба исследований явлений входа в атмосферу. Затем, начиная с 2000 года, атмосферные входы были выведены из его компетенции. Служба была тогда перестроена как служба экспертизы редких аэрокосмических явлений, чья миссия должна была сосредоточиться на сборе информации о наблюдениях и создании баз данных и свидетельств. И в 2001 году был этот аудит, о котором мы говорили ранее, заказанный дирекцией CNES, и дирекция CNES решила реорганизовать SEPRA, создав GEIPAN, нынешний GEIPAN, с добавленной к оригинальному акроним буквой I — I означает «информация». Рекомендации аудита служат основой для организации и функционирования нынешнего GEIPAN, поскольку миссии теперь строятся вокруг информации о НАЯ, информации и прозрачности деятельности перед информацией о НАЯ, информации и прозрачности деятельности перед информацией о НАЯ, информации и прозрачности деятельности перед широкой публикой — это обязательства в процессах. По сути, речь шла о том, чтобы избавиться от всякой критики о недостатке прозрачности, которая ранее приписывалась CNES, а значит, государству, по теме НЛО. В первом проявлении этих двух амбиций информации — когда была предпринята обширная работа по сортировке и оцифровке архивов Жаком Патене, первым директором GEIPAN, который, благодаря методологической переработке, сумел представить уже в 2009 году около 30 % архивных досье, хранящихся в подвалах GEIPAN, благодаря сайту,

который был создан по этому случаю. Группа получила разрешение открыть свои публичные архивы, и это беспрецедентная инициатива, знаменующая значительный шаг в прозрачности и доступности данных об этих явлениях. Новаторское решение, быстро привлекшее внимание медиа всего мира. И вот, мы, возможно, уверены во всех этих вопросах. Итак, сбор, анализ, расследование и информирование через публикацию расследованных случаев странных наблюдений составляют миссию современного GEIPAN. Внутри CNES он пользуется очень сильной автономией, чтобы обращаться напрямую к широкой публике, поскольку он прежде всего на её службе, с уважением этики, требуемой домом CNES, разумеется, и общего регламента о защите персональных данных всех свидетелей и внешних сотрудников GEIPAN-CNES. Итак, сбор — это сначала сбор свидетельств, привилегированный источник — сайт GEIPAN. Перейдите к другому слайду. Вот. Итак... свидетельство, по сути. На сайте GEIPAN, если нажать на «Свидетельствовать», вы уже получите небольшое руководство, чтобы попытаться понять, что вы видели. Затем, если желаете подать свидетельство, это можно сделать, заполнив анкету — анкету, построенную в тесном сотрудничестве с профессионалами гуманитарных и социальных наук и научными психологами, чтобы собрать технические аспекты, позволяющие вести расследование, разумеется, но также эмоцию, вызванную наблюдением, и чувствительность свидетеля по отношению к этим явлениям. Другие источники сбора — протоколы жандармерии, поскольку национальной жандармерии даны инструкции о том, как принимать свидетельства, чтобы они могли быть использованы. Жандармерия — исторический партнёр GEPAN, GEIPAN, и даже эры до-GEPAN. Мы также получаем формы и декларации от Генеральной дирекции гражданской авиации, которая позволяет профессионалам авиационного сектора свободно сообщать о наблюдении, которое они сочли странным. После сбора и свидетельств идёт анализ вместе с другими службами CNES, разумеется, сначала — такими как Центр операций и наблюдения за космосом, который следит за спутниками, к которым Франция причастна. Консультация этого органа позволяет установить космическую ситуацию в момент наблюдения. Речь также о других операторах и государственных службах, с которыми CNES-GEIPAN заключил партнёрства и протоколы соглашения, чтобы уточнить условия их вмешательства в анализ случаев. Мы подчёркиваем важность сотрудничества с Национальной жандармерией — для свидетельств, а также в силу её очень локальной укоренённости, которая позволяет нам, простой консультацией, получать сведения об окружении в момент наблюдения. И жандармерия также может участвовать в расследованиях. ВВС и Космические силы, которые предоставляют радарные следы своей сети наблюдения и полицейского контроля неба, позволяющие без двусмысленности установить авиационную ситуацию в момент наблюдения. Генеральная дирекция гражданской авиации — по своей сети наблюдения, материальной и человеческой, вблизи аэропортов. Météo France — за предоставление метеоданных и данных моделирования, которые используются прогнозистами, а также её экспертизу по любым исключительным метеорологическим событиям. Всё это очень полезно для наших исследований. Корпус астрономов CNRS — за их экспертизу по небесным конфигурациям или иным событиям, позволяющую отчитаться о примечательной астрономической ситуации. Также — лаборатории превосходства. Мы говорили ранее о лаборатории «Молния» CNRS, о Национальном музее естественной истории, и его структуре наблюдения неба FRIPON — по естественным атмосферным входам, Институт небесной механики и вычисления эфемерид лаборатории «Время-Пространство». Службы экспертизы по материалам и следам, также CNES Тулуза, и иногда другие оказывают поддержку исследованиям по запросу. В дополнение к этим партнёрам, позволяющим располагать техническими элементами для развития гипотез

и сравнения НАЯ с известными явлениями, GEIPAN также опирается на учёных, помогающих выносить суждение о консистентности свидетельств, — экспертов в научной и когнитивной психологии, которые дают следователям методы, помогающие свидетелю вербализовать свои воспоминания, а также анализировать в проводимых беседах со свидетелями то, что относится к факту наблюдения, или к заявлению, которое, кажется, скорее связано с воспоминанием, реконструированным пережитой эмоцией или сроком свидетельства. После анализа — расследование, расследование, целью которого является классификация случаев. Это двигатель GEIPAN. Работы ведутся внутри CNES, следователем CNES, и в основном следователями-волонтёрами. Волонтёры зачисляются в пул следователей после спонтанной кандидатуры, собеседования, чтобы определить их мотивацию и чувствительность к НАЯ, а также выполнения расследовательского упражнения с проверкой респектабельности. Следователи распределены географически по всей территории, участвуют в оценке случаев наблюдения, назначаются на очень конкретные миссии — дистанционные или полевые расследования. Они должны соблюдать метод расследования, изложенный в руководстве следователя GEIPAN. Досье расследований затем валидируются и финализируются штатом и публикуются на сайте. Пул следователей в настоящее время состоит из 16 следователей-волонтёров, в очень большом большинстве очень опытных. Они обучены, натренированы, реактивны, надёжны и достаточно доступны, чтобы перемещаться примерно на 200 км от дома для встречи со свидетелями по мере необходимости. И 80–100 расследований запускаются каждый год. Их длительность зависит от сложности, которая часто обнаруживается по ходу. Мультидисциплинарный комитет экспертов, о котором мы говорили ранее, — четыре человека из этого экспертного комитета выступают сегодня. Он формируется GEIPAN, состоит примерно из 18 экспертов, которые также действуют преимущественно на волонтёрской основе. У них другие профессии, но они помогают нам в наших задачах. Их роль — рассматривать самые сложные случаи наблюдения, представленные им, в полной независимости от работы расследования. Они участвуют в дебатах, вытекающих из расследований. Они могут ходатайствовать о переориентации расследования. И их мнение спрашивают систематически, если случай направляется к классификации D — НАЯ D, то есть неопознанные после расследования явления. Хотя и консультативно, это мнение позволяет GEIPAN, мне самому, решать либо консенсусом, либо голосованием об окончательной классификации. Эксперты — представители разнообразных профессий, связанных с аэрокосмической отраслью, но не только. У нас сейчас есть пилоты, эксперты по силовым установкам, по летательным аппаратам, дронам, парашютизму, молниям, плазме, обработке изображений, детекции, астрономии, астрофизике, метеорологии, орнитологии, антропологии, социологии, биологии, уфологии, научной психологии и клинической психологии. Этим экспертов привлекают в каждом отдельном случае, когда экспертиза полезна для расследования, но комитет или коллегия собирается не реже двух раз в год как минимум, чтобы выносить решение о классификации наблюдаемых явлений и обмениваться различной информацией о деятельности GEIPAN. Публикация, для информации: GEIPAN публикует свою следственную работу прозрачно, и это согласовано со свидетелями с момента, когда их наблюдение идёт в расследование, поскольку мы просим их изначально уступки их авторских прав на анкету, фото- и видеозаписи, и все материалы, которые они хотят нам доверить, связанные с их наблюдением, с целью их возможной публикации после того как расследование прошло, и это может быть через несколько месяцев после даты их свидетельства. Без этого разрешения ясно, что случай не будет принят в GEIPAN, не будет расследован, спасибо, то есть он не будет расследован. Всё это нас немного обязывает — это соглашение обязывает нас уважать

и защищать анонимность всех, кто участвует в расследовании, — во время расследования с этим строгим разделением личных данных, указанных в анкетах или в декларациях, сделанных постфактум, с именованным заданием экспертам и следователям. И перед самой публикацией досье расследования проходит через фильтр документалиста GEIPAN, чтобы удалить всё, что позволяет узнать человека, которого не следовало бы беспокоить за то, что осмелился обратиться в GEIPAN. Итак, служба, разумеется, также питает амбицию поощрять, насколько возможно, прогресс научного знания, связанного с НАЯ, стараясь чётко очертить то, что ускользает от понимания и текущего знания, выявлять вопросы, которые следует задать науке, со всем разнообразием тематик исследований, ведущихся в CNES, и всех связей, которые он поддерживает с научным сообществом. В этом смысле, а также для обмена экспертизой, специальный воркшоп — мастерская, называемая SAIPAN, — организуется примерно каждые пять лет, чтобы по приглашению собрать сообщество. Итак, воля к открытости — и все работы, разумеется, доносятся до руководящего комитета. Руководящий комитет GEIPAN называется COPEPAN, преемник научного комитета, с самого начала, с истоков. Этот орган управления GEIPAN является консультативным, состоит из представителей всех наших партнёров и дирекции CNES, и его задача — следить за должным соблюдением возложенных на нас миссий. Благодарю. Спасибо. Тоже в срок. Отлично. Без промедления передаю слово Матьё Куртабану, заместителю директора CAPCODA, и Жереми Мойалю от BBC и Космических сил, которые представляют свои работы.

Матьё Куртабан (заместитель директора, CAPCODA, Воздушно-космические силы)

Господа депутаты, дамы и господа, всем добрый день. Спасибо, что пригласили нас на этот коллоквиум, на котором я имею удовольствие нести ответственность представлять BBC, в особенности перед вашими вопросами, которых, полагаю, будет много. Начну с небольшого представления подразделения, в котором работаю с капитаном Мойалем, здесь присутствующим, работая в составе CAPCODA. Я избавлю вас от точности того, что означает CAPCODA, я лишь немного представлю миссию, которую мы там выполняем. Цель CAPCODA — сливать все обнаружения радаров, будь то гражданских или военных, находящихся на национальной территории. Она охватывает в основном метрополию, и на основе этих обнаружений построить распознаваемую и интеллигибельную воздушную обстановку, чтобы затем пытаться следить за всеми движущимися объектами, летящими над французским небом, и при необходимости вмешиваться в случае сомнений о уровне угрозы, которую тот или иной движущийся объект мог бы представлять. На основе этих обнаружений первый этап — классифицировать, зная, что 95–98 % обнаруживаемых объектов почти автоматически классифицируются по своей природе или по всем явным способам, которыми объект может себя обозначить, то есть по радио, планам полёта, кодам транспондера и т. д. Нам остаётся тем не менее несколько процентов, которые тогда представляют небольшой уровень сомнения или неизвестного для нашего подразделения. Они классифицируются по уровню угрозы и в необходимом случае запускают вмешательства — будь то вмешательства наших авиадиспетчеров или наших средств истребительной авиации, или вертолётов — чтобы убедиться в природе этих объектов. Большинство запускаемых вмешательств осуществляется в данном случае истребительными средствами, которые позволяют нам быстро взлететь и достигать почти любой точки Франции за несколько минут. Именно поэтому для этой миссии мы

используем истребители. В соответствующих случаях, когда мы обнаруживаем нарушения или природу движущегося объекта, способную нас обеспокоить даже после идентификации, дела передаются компетентным властям, в частности судебным, если речь идёт о нарушениях, в частности, любительскими воздушными судами. Всё это, чтобы сказать, что наш вклад во всю эту тему явлений НАЯ в конечном счёте двух типов. Мы потенциально можем инициировать и, возможно, отвечать по определённым случаям НАЯ. И затем наш второй подход — это действительно поддержка GEIPAN, как уточнил г-н Курта. Что касается инициации случаев, можно представить два сценария. Можно представить свидетельства наших собственных экипажей, представляющих лишь несколько процентов воздушной активности, происходящей на национальной территории. И, на мой взгляд, мы имеем меньше одного случая в год свидетельств экипажей ВВС. Один был недавно, но он объяснился световым явлением между двумя военными самолётами. Тем не менее по всем случаям неопознанного обнаружения, которые могут иметь технические или физические характеристики, нас интересующие, как я говорил ранее во вступлении, мы довольно быстро запустим наши истребительные средства и пойдём, визуально, с нашими квалифицированными и присяжными экипажами, засвидетельствовать то, с чем там сталкиваются. И оказывается, что модернизация нашего парка радаров, в частности военных, позволяет нам обнаруживать всё более мелкие движущиеся объекты и с всё более низкими остаточными скоростями. Что приводит к заметному увеличению случаев вмешательства наших боевых самолётов, которые чаще всего идут идентифицировать объекты, в конечном счёте вовсе не являющиеся угрозами, — то есть регулярно стаи перелётных птиц, которых мы ловим на очень большой высоте, или всевозможные шары, некоторые из которых, чтобы не таить секретов, имеют головы Микки-Мауса или Минни-Маус в восточной части парижского региона. Итак, некоторые из этих случаев с нашей точки зрения быстро закрываются этим типом вмешательства. Да, может вызывать улыбку отправлять боевой самолёт для идентификации Микки и Минни. Тем не менее, как я сказал ранее, для нас: неизвестное = сомнение = потенциальная угроза, отсюда интерес быть постоянно готовыми пре-действовать даже по такого рода запросам. Как я говорил, наш второй вклад в феномен НАЯ — предоставление элементов радарного следа по запросу GEIPAN. И это то, что мы делаем достаточно регулярно. Я бы сказал, это от 12 до 15 случаев в год, может быть, чуть больше. Это довольно рутинные процедуры для нас, потому что есть множество организаций, запрашивающих у нас эти радарные восстановления. И мы передаём их полностью прозрачно, без возможности отфильтровать какие-либо элементы, и случай, который представит капитан Мойал чуть позже, послужит наилучшим свидетельством. Чтобы предоставлять эти радарные следы, мы просто обращаемся к нашим техникам, которые извлекают данные, которые гражданские и/или военные радары сливают и компилируют, а затем мы делаем небольшое пространственно-временное извлечение со всеми элементами оценки, которые могут быть известны нашим службам, то есть высоты, скорости, время обнаружения, а также все средства идентификации, о которых я говорил ранее, — то есть радиоконтакты, возможно, планы полёта или сопутствующие коды транспондера. Во всяком случае, всё, что позволяет нам снять сомнение о начальной природе этих контактов. Зная, что помимо наших гражданских и военных радаров, предназначенных скорее для обнаружения воздушных движущихся объектов, действительно общей авиации или любительской авиации, у нас также есть в ВВС, и это управляется командованием космических сил, радар слежения, скорее спутниковый, который позволяет видеть объекты в самых верхних слоях атмосферы. Заметим, что этот радар слежения, естественно, не покрывает весь земной шар, потому что значительная часть

пространства находится за нами, за Землёй, в другом месте. Но этот радар слежения прежде всего технически разработан, чтобы наводить радары сопровождения на атмосферные входы или на довольно точные орбиты. Так что он не обязательно позволяет визуализировать все объекты, которые могли быть в этой зоне захвата. Что я также хочу вам сказать — поскольку все эти датчики скорее развёрнуты на территории метрополии, мы немного более деликатны с точки зрения обнаружения на некоторых заморских территориях. Надо представить, что на территории метрополии у нас почти полный контроль всего, что там летает. И у меня, во всяком случае, за годы моего присутствия в CAPCODA, нет знания о фактах, которые мы совершенно не смогли бы идентифицировать, — в частности о фактах, которые имели бы кинематические характеристики или изменения направления, в принципе, необъяснимые. Большинство фактов, о которых у нас ещё есть небольшие сомнения, — это скорее очень малые скорости на большой высоте, часто это скорости, которые в точности соответствуют ветрам на этих высотах, и которые, вероятно, являются обломками шаров — метеорологических, шаров, выпущенных с земли, или стаями птиц, которых мы не смогли идентифицировать, потому что, возможно, погода не позволила отправить боевой самолёт для проверки. Сейчас я передам слово капитану Мойялю, чтобы он рассказал вам об одном из случаев, в разрешении которого мы с большим удовольствием помогли GEIPAN, во всяком случае с хорошей вероятностью, если я правильно понял, прошлой весной. А затем с большим удовольствием отвечу на ваши вопросы. Спасибо, Микаэль.

Жереми Мойаль (капитан, CAPCODA, Воздушно-космические силы)

Господа депутаты, дамы и господа, добрый день, я капитан Мойял из CAPCODA. Возобновляю благодарности за это приглашение на этот коллоквиум. Хотел бы в нескольких словах представить случай, который мы разъяснили, который GEIPAN разъяснил благодаря нашим данным прошлой весной. Речь шла о свидетельстве на юге Бретани от пары и их соседа, которые ночью наблюдали три оранжевых огня с линейным перемещением. Со зрительным и слуховым свидетельством, поскольку это сопровождалось сильным гулом, который был обнаружен этими людьми. И вот, почти сразу, GEIPAN запросил у нас радарное восстановление. Итак, как сказали коллега Куртабан и г-н Курта, наши радары позволяют почти без двусмысленности — в общем, наша радарная сеть, потому что они есть по всей Франции, — предоставить здоровую и известную картину воздушной обстановки на мгновение. И благодаря этому радарному восстановлению нам удалось идентифицировать шесть движущихся объектов, которые могли соответствовать этим свидетельствам трио людей, в упражнении ВВС и Космических сил, которое мы называем ROCR и которое имитирует воздушный налёт. И поэтому физическим объяснением, феноменом параллакса, световым явлением, феноменом отражения света, мы смогли осветить, что речь шла не об одном свете, о треугольном объекте, а именно о трёх самолётах в патруле, которые двигались в формате треугольника и, стало быть, соответствовали, по крайней мере, свидетельствам этих людей. Читая методологию и следственную работу следователей GEIPAN, случай был классифицирован А, то есть феномен объяснён. И это один из примеров того, как ВВС и Космические силы, и, стало быть, CAPCODA и его сеть диспетчеров и радарных техников, приходят к прояснению случаев, таких как представленные ранее. Я закончил и готов ответить на ваши вопросы, если они у вас

есть. Вопросы мы зададим позже, но, во всяком случае, спасибо за это описание положения дел, очень хорошо документированное, подполковник и капитан.

Жиль Мюнш (следователь по случаям НАЯ, GEIPAN)

Я передаю сейчас слово Жилю Мюншу — для экспликации этих методов расследования GEIPAN. Как вы конкретно работаете, изучая эти случаи? Да, спасибо за приглашение и за то, что дали слово для рассказа о работе следователей — работе довольно тихой, в тени. Итак, прежде чем войти в суть темы, мне кажется, что есть фундаментальный вопрос: зачем проводить расследования? Можно об этом дискутировать, но я отсылаю к дальнейшим вопросам при необходимости. Итак, в начале расследования у нас есть данные, поступающие от одного или нескольких свидетелей — часто это так. Эти данные мы будем называть исходными данными. Они двух типов. Прежде всего, по сути, свидетельские данные, которые составляют большинство и которые зависят, разумеется, от пяти чувств свидетелей, в частности зрения и слуха, но не только. Это также зависит от их психических способностей, в частности памяти. Это зависит от их культуры, их образования. От их убеждений, а в некоторых случаях — от их верований. Итак, легко представить, что за всеми этими свидетельскими данными стоит определённая хрупкость, определённая субъективность, чьи «за» и «против» надо уметь взвешивать, потому что могут быть очень хорошие свидетели, свидетели более субъективные, чем другой. Помимо этих свидетельских данных, у нас будут инструментальные данные, возможно — не всегда, но они менее часты, — когда свидетель может нам предоставить фотографии, видео, или когда мы знаем, что есть технические записи, помимо этого, с помощью инструментов. Эти данные нельзя обвинить в субъективности, но мы знаем, что все технологии имеют свои пределы производительности, и мы знаем, что многие из этих технологий становятся жертвой артефактов. Мы хорошо знаем визуальные артефакты, с которыми можем сталкиваться на фото или видео, и нужно уметь их анализировать, понимать и выявлять, когда они существуют, разумеется. Итак, эти исходные данные предоставляет свидетель, и к этим данным следователь будет обязан искать данные, которые я бы назвал контекстуальными, — дополнительные данные, чтобы понять всё окружение, весь контекст наблюдения, потому что свидетель сам эти данные не предоставит обязательно, это не его проблема, его проблема — наблюдение. Итак, цель расследования будет двойкой: сначала собрать максимум данных о самом феномене, разумеется, и о свидетеле (свидетелях) тоже, на разных уровнях. Также об окружении в широком смысле — все эти дополнительные контекстуальные данные, возможно, также о приборах и всех предоставленных документах, чтобы попытаться их детально проэкспертизовать. Отталкиваясь от этого, мы будем вести расследование. Я пропущу поручение, как расследование поручается следователю, как оно официально утверждается перед свидетелем и следователем, потому что это детали, чтобы перейти к более важным вещам. Итак, как только следователь назначен на случай, то есть этот случай прошёл предварительные этапы, чтобы быть известным как введённый в базу, и когда этап пред-характеризации не выявил правдоподобного объяснения, надо начать расследование. Итак, расследование начнётся дистанционно, и параллельно будет вестись работа по поиску информации, именно контекстуальной, в разных плоскостях. В частности, например, мы это видели, воздушная область — не буду к ней возвращаться, поскольку это было хорошо объяснено, — вся аэронавтическая часть, потому что в нашем небе всё-таки многое летает. У нас будут метеорологические данные, потому что они важны, важно знать метеорологический контекст, в частности для всех путаниц с шарами, аэростатами. Ветер важен для установления соответствия

между двумя. Это может быть медийная среда, потому что можно говорить в других местах, помимо свидетельства в GEIPAN, о случае в других медиа, в социальных сетях, повсюду — так что придётся следить, черпать понемногу отовсюду в этих областях. Мы посмотрим контекст... я теряюсь в своих записях... Да, окружение в широком смысле, мы это видели. Есть также всё, что относится к аэрологии, то есть шары-зонды, экспериментальные шары, дирижабли, газовые шары и монгольфьеры и т. д. Мы перейдём к другим. Посмотрим на промышленное окружение. Могут быть предприятия, сделавшие вещи, которые могут представлять исключительные и малораспространённые особенности. У нас также военное окружение — военные учения, у нас был прекрасный пример, а свидетели к этому не привыкли, они удивлены такого рода вещами и т. д. Итак, всё окружение будет просканировано следователем — параллельные поиски, потому что мы продвигаемся в каждой из областей параллельно, чтобы извлечь максимум данных. После этих данных их придётся анализировать, чтобы попытаться интерпретировать их в терминах рациональных объяснений. Поскольку изначальная цель — искать рациональное объяснение феномена. Удаётся или не удаётся. За неимением, если не удаётся охарактеризовать рациональное объяснение, мы попытаемся оценить остаточную странность. Странность, которая остаётся, — надо попытаться с ней справиться. Итак, эти элементы остаточной странности мы будем стремиться максимально сравнить с известными явлениями, и очень часто это сравнение позволяет уменьшить именно остаточную странность, а затем мы увидим, как можно оценивать и классифицировать случай. Итак, как только это сделано, если это дистанционное расследование дало решение, мы перейдём к отчёту о расследовании и всему последующему процессу. Если не удалось прийти к выводу с помощью дистанционного расследования — это случается для некоторого процента случаев — мы попытаемся дополнить данные, выехав на место. Полевое расследование, однако, надо будет заново запустить всей формализованной процедурой и т. д. И следователь сможет отправиться на встречу со свидетелями и на места, где это произошло, к контексту действительно на месте. Итак, следователь туда поедет. В меру возможного он сможет провести гораздо более содержательную беседу, чем простая начальная анкета, всегда двусмысленная. Свидетель сможет высказаться шире. Если контекст правильно позволяет, мы попытаемся развить беседу в форме когнитивного интервью. Это техника, применяемая в GEIPAN, зародившаяся в военной и юридической области. Это техника, дающая двойное преимущество: она позволяет улучшить способность свидетеля восстановить свои воспоминания, то есть лучшее восстановление свидетелем своего опыта, и в дополнение — снизить риск возмущения или влияния на свидетеля со стороны интервьюирующего. Потому что в интервью надо увеличить эти данные, которые мы можем получить, но избежать возмущения свидетеля субъективными влияниями. Это подготовка, которая у нас есть, чтобы подготовиться, улучшить нас во время этих бесед — хорошо спрашивать и хорошо вести беседу. Как только эти беседы проведены, можно проводить реконструкции на местах, можно проводить разнообразные измерения. Можно предпринимать шаги, раз мы на месте, — местные шаги, в жандармерию, мэрию, различные промышленные и иные учреждения, чтобы собрать максимум информации по отношению к подозрениям, идеям, которые у нас появились благодаря дистанционному расследованию. Как только всё это закончено, возвращаемся домой, и теперь надо дать отчёт обо всём этом — надо составить отчёт о расследовании, так что есть весь способ представлять случай, все классические вещи, приходя с техническими приложениями при необходимости. Трудная часть после — оценка случая. Итак, следователь будет обязан выдвинуть некоторое число гипотез в связи со всеми своими размышлениями. Существует некоторое число гипотез, которые он попытается

оценить на основе различных критериев. Итак, у него есть два параметра для установления. С одной стороны — консистентность случая. Это сочетание количества собранной информации и надёжности этих данных. Пропущу технические детали о том, как всё это делать. Это слишком сложно, слишком долго объяснять здесь. Затем он может высказать мнение о консистентности случая, которое будет одним из двух параметров для классификации. Затем он должен будет оценить остаточную странность случая, о которой мы говорили. Если мы там, у нас нет ответа и есть остаточная странность, надо будет попытаться оценить её по отношению к гипотезам, которые можно выдвинуть, чтобы увидеть, могут ли гипотезы согласоваться и объяснить эту странность, и отменить или уменьшить её. Итак, есть целая серия параметров для каждой гипотезы, параметры, которые установит следователь. И затем, в защиту и обвинение, он будет обязан оценивать каждую гипотезу. Это работа размышления, и затем он классифицирует эти гипотезы в терминах остаточной странности. Одна гипотеза будет выделяться больше других, как правило, и, отталкиваясь от этого, он сделает предложение по классификации, которое объяснит в отчёте. Он составит заключение отчёта, и как только всё досье финализировано, он передаст его в GEIPAN, команду GEIPAN, отвечающую за его перечитывание, валидацию или нет. Либо валидирует и принимает предложение по классификации, выдвинутое следователем, либо находит что-то, что надо исправить, скорректировать или дополнить. В этот момент можно обратиться к некоторым экспертам, а то и собрать для самых сложных случаев экспертный комитет для дополнительного мнения. В этот момент эксперты дадут в индивидуальном качестве аргументированное мнение о своём видении случая. И затем команда GEIPAN сделает синтез всего этого и предложит окончательную классификацию с определённой странностью и определённой консистентностью. Это даст вам график, который, наверняка, все вы знаете на сайте GEIPAN, если читали досье расследований. Странность по вертикальной оси, консистентность — по горизонтальной. Всегда заканчивается графиком с точкой, дающей ситуацию по абсциссе, странность — по ординате, консистентность, — и, значит, поместит точку в клетку А, В, С или D. И именно так удаётся дать, надеемся, уместное мнение о случае. Далее мы увидим, что можно к этому добавить. Итак, когда всё это сделано... следующий слайд. Подготовка. Как следователи — эти следователи-волонтёры, приходящие из всех сред: у некоторых есть уфологический опыт, у других его совсем нет. Итак, придётся адаптироваться к процедуре, методологии и правилам GEIPAN. Для этого нужна подготовка. Как формат подготовки — у нас ежегодная 2-3-дневная мастерская в Тулузе, где мы делаем целый набор упражнений, курсов, предложений, презентаций, встреч с экспертами, технических визитов и т. д. Всё это опускаю. Очень обогащает. Это также позволяет следователям физически познакомиться, потому что часто мы на связи по почте или видео. Мы делаем тьюторство, то есть более опытные следователи составляют tutorиалы, чтобы решать некоторые вопросы. Это может быть очень техническим, может быть по многим возможным темам, встречающимся в расследовании. Затем новые следователи могут самообучаться по этим tutorиалам. Есть также прямое тьюторство — то есть по видеосвязи между двумя людьми, начинающий следователь с более опытным — можно иметь сессию, чтобы обучиться, или получить сведения, или разрешить проблему с использованием какой-то программы, инструмента, поисков метеоинформации и т. д. Итак, вся информация, имеющаяся в нашем распоряжении, накапливается в документальном пространстве — вики, к которому у нас есть доступ на сайте GEIPAN, где сейчас находится вся информация, накопленная уже за 20 лет. Ещё у нас есть партисипативные расследования. Если у следователя трудности с расследованием, он может обратиться к своим товарищам, в кавычках, плюс к команде

GEIPAN, и мы делаем видеовстречу, чтобы обсудить в течение часа или двух его случай, попытаться найти новые пути, помочь ему или подсказать какие-то вещи, которые, возможно, разблокируют его в расследовании. И это позволяет также другим следователям, через эти обсуждения, обучаться незаметно и увеличивать свой опыт и знание других случаев, которые они сами не расследовали. А для самых интересных расследований можно даже составлять листки обмена опытом, чтобы делиться особенными вещами, особенностями, которые могли появиться в некоторых расследованиях, более примечательных, чем другие. Следующий слайд. Тут пойду очень быстро, потому что думаю, что уже превысил своё время. Итак, что касается деонтологии, следователи, поскольку они сделали это по доброй воле, добровольно, чтобы помочь GEIPAN, должны иметь правила деонтологии в первую очередь по отношению к свидетелям — уважение к свидетелю, его целостности, без вторжения в частную жизнь или в медицинскую область, например. Уважение по отношению к GEIPAN — процедур, правил поведения, устанавливаемых GEIPAN, соблюдение сроков по возможности, несмотря на превратности расследований, и уважение других следователей просто путём максимального сотрудничества с ними. Следующий слайд — это будет заключение. Итак, вывод для меня на следующем — что расследование всё же трудное упражнение, деликатное, требующее и порой требующее много времени. Не всегда воображается, сколько времени это требует... и некоторые следователи занимаются профессиональной деятельностью. Так что они делают это в свободное время. Это совместная работа, это очень важно, я думаю, чтобы эта работа была совместной. Устройство функционирует уже немало лет, примерно с 2010 года — следователи. И мы стараемся накапливать опыт, пользоваться им и развивать вещи, то есть улучшать систему. Досье — это очень важно сказать: досье расследования, даже после классификации, остаётся открытым. То есть можно к нему вернуться, если есть новая информация. Это регулярно случалось. Иногда у нас было объяснение, а мы понимаем, что оно не подходит, потому что появились новые данные, и мы корректируем; или наоборот, мы классифицировали как D, потому что не нашли решения, а затем у нас появляется новая информация — иногда это удача, — когда у нас новые данные и инструменты, которые эволюционировали и позволяют решить случай, и только тогда случай перекатегоризируется из D, возможно, в A или B, в зависимости от степени уверенности, которую можно получить. Также небольшой комментарий: многие случаи ускользают от GEIPAN, потому что свидетели обращаются в GEIPAN, но обращаются также к частным группам — нужно это сказать, — обращаются всё чаще к медиа, к газетам, к радио, к телевидениям, к депутатам сейчас, всё чаще. Что ж, в социальные сети — многие. Итак, некоторые случаи ускользают от GEIPAN. Некоторые случаи могут быть важными. GEIPAN делится, со своей стороны, своими данными через свой сайт. Они просто анонимизированы, но мы увидели прозрачность даже CAPCODA — всех данных. Подход прозрачен. Итак, делимся данными. Частные группы, которые делают серьёзную работу, могут вполне делиться своими расследованиями с GEIPAN — с маленькой оговоркой, чтобы эти расследования были нам интересны. Нужно, чтобы применяемый подход был достаточно близок к нашему, чтобы мы понимали друг друга. Вот. Итак, я закончил. Ваши вопросы будут приветствоваться. И благодарю вас за внимание и прошу извинить за то, что превысил своё расписание. Вы превысили лишь на минуту, так что всё в порядке. Спасибо, было очень точно. Передаю сейчас слово Микаэлю Вайану, из UAP Check, с которым я встречался несколько лет назад в Тулузе, помню. Итак, для презентации, всё те же 15 минут, но знаю, что уложишься в срок, а затем у нас будет момент вопросов-ответов, как ранее, перед небольшой паузой.

Микаэль Вайан (UAP Check)

Ах, о'кей. Вы меня слышите? Очень хорошо. О'кей. Итак, господа депутаты, дамы и господа, я вас благодарю от всего сердца за то, что дали нам возможность прийти и высказаться здесь, и за организацию этого коллоквиума. Долгие годы я работал в GEIPAN в Тулузе, не будучи сам сотрудником CNES. Затем я работал с UAP Check, ассоциацией, связанной с организациями по всему миру. Эта позиция поместила меня на стыке нескольких миров: мира свидетелей, следователей, баз данных, цифровых инструментов и экспертов, но также с миром исследований — я сам участвовал в научном выпуске разных работ с разными лабораториями. Тематические лаборатории CNRS, в частности по геологии, авионавтике и математике. И чему научил меня этот опыт — что граница между расследованием и наукой хрупка. Так что сегодня я расскажу вам о проблемах интерфейса, по сути. Следующий слайд. На самом деле необъяснённое явление не становится автоматически объектом исследования. Оно может быть сообщено, но плохо документировано. Документировано, но плохо передано. Передано, но не использовано. Заархивировано, но никогда не изучено, чувствительно и исчезнуть за легитимными ограничениями безопасности. Проблема не только в том, чтобы знать, что такое НАЯ, проблема в том, чтобы знать, способны ли мы преобразовать наблюдение в данные, в пригодные данные, а затем в объекты исследования. И в сущности, без общего определения и без прослеживаемой процедуры, мы накапливаем рассказы, досье, архивы, нанизываем свидетельства, но мы ещё не делаем науку. И сегодня вопрос теперь в том, организованы ли наши институты, чтобы сохранять, передавать, изучать, оценивать явления, которые человек в конечном счёте не может ни категоризировать, ни объяснить. И это будет смыслом пяти обменов опытом, которыми я хотел бы поделиться с вами сегодня. Следующий слайд, пожалуйста. Мой первый обмен опытом прост. Свидетельство необходимо, мы видим, но его недостаточно. Свидетель часто — первый сенсор необычного явления. Но человеческое свидетельство, все мы знаем, хрупко. Есть проблемы памяти, контекста, неожиданности, стресса, способности описывать, желая говорить. Итак, мы разрабатываем методы и стараемся сделать так, чтобы свидетель чувствовал себя непринуждённо, чтобы не боялся быть осуждённым и т. д. И мы также знаем, как напомнил Жиль, что GEIPAN видит лишь надводную часть айсберга. Есть свидетели, которые не знают, что во Франции сегодня существует организация, и есть свидетели, которые также не хотят свидетельствовать. Они не доверяют государству или организации. Итак, они обращаются к ассоциациям или не свидетельствуют. Несмотря ни на что, собираемые нами свидетельства ценны для гуманитарных наук, но сегодня, хочется сказать, GEIPAN питает по существу именно их — психологию, социологию, — меньше точные науки. Твёрдые случаи, как сказал Люк Дини, редки. Иногда надо расширить спектр, искать за пределами Франции, чтобы найти случаи. И нам также нужны калиброванные данные. Нам нужны данные, записанные камерами, датчиками, станциями. То есть, возможно, технические сайты. И всё это требует средств. Средств, которых у нас пока напрямую нет. Во Франции у нас, однако, есть сеть обнаружения под названием FRIPON, которая позволяет обнаруживать болиды и метеориты. Что мало кто знает — эта сеть возникла, в частности, из обсуждений в GEIPAN и вокруг мультидисциплинарных нужд. В своё время GEIPAN был причастен к обсуждениям с Национальным музеем естественной истории, СЕА и IMCCE, разумеется. А потом присоединились лаборатории CNRS, и проект родился. Этот прецедент показывает, что нужда, возникающая из НАЯ, может породить научную инфраструктуру, полезную далеко за пределами НАЯ. Он также показывает, что можно было бы опираться на такого рода сеть, с меньшими затратами,

чтобы также расследовать НАЯ. Эта модель показывает, что активное наблюдение неба может нам в конечном счёте служить, и может нам служить, поскольку НАЯ в конечном счёте опираются на форму междисциплинарной науки, науки, которая формально ещё не существует, но которую мы надеемся увидеть возникающей однажды. Это может служить другим областям — метеорологии, разумеется, это может служить наблюдению птиц и т. д. Итак, я думаю, надо будет идти к этому однажды, к сетям датчиков, во Франции тоже, как везде в мире мы видим их возникающими. Думаю, нам не следует отставать от того, что происходит в других местах. Следующий слайд, пожалуйста. Аудит SEPRRA 2001 — о нём мы также говорили ранее — открывал амбициозную перспективу: характеризовать явления, производить статистику, определять классы явлений, возможно моделировать их. На деле, 25 лет спустя, деятельность GEIPAN прежде всего сосредоточилась на необходимой миссии: принимать наблюдения общественности, анализировать их, классифицировать, публиковать и отвечать свидетелям. Это ценно, но, я бы сказал, этого ещё не совсем достаточно, чтобы породить науку о НАЯ. На самом деле есть довольно глубокое недоразумение. Многие думают, что CNES, через GEIPAN, был бы призван делать исследования. В действительности роль CNES — прежде всего предоставлять инструменты, средства, устройства, чтобы позволить исследованиям работать. Можно сравнить GEIPAN со спутником. Он собирает, фильтрует, сортирует, извлекает сигнал из фонового шума и делает данные пригодными. Но как только база данных существует — кто ей научно занимается? У вас есть необъяснённые явления, для которых не знаем, к какой науке обращаться. Не знаем, сможем ли мы действительно обратиться к психологам, социологам, физикам, специалистам по аэронавтике. В этих случаях необъяснённого, в конечном счёте, может быть всё что угодно. И ни одна область сегодня в науке не может в одиночку принять всю проблему. По определению, НАЯ D ещё не ориентировано ни на какую дисциплину. И это смысл схемы позади — схемы с двойной петлёй. Сегодня у нас есть петля расследования, которая полна и организована GEIPAN. И у нас есть, я бы сказал, полупетля — это петля науки, частично организованная с сетью экспертов вокруг GEIPAN, но которая полностью не замыкается. На самом деле в расследовании следователи располагают горизонтальным знанием. Они должны знать всего понемногу о многих вещах и обрабатывать случаи очень однородным образом, в защиту и обвинение, как говорил Жиль. Но с другой стороны, учёные, они располагают очень вертикальным знанием. Они углубляют сигнал, каждый в своей области. Они посмотрят искажение, датчик, гипотезу, класс явлений. И это две очень разные группы, которые нельзя смешивать, я бы сказал, потому что у них разные цели сегодня. А эксперты в настоящее время мобилизуются по запросу GEIPAN. И, на мой взгляд, чего им ещё не хватает — это научной автономии. Это группа экспертов, способных определять приоритеты, ориентировать связи, указывать, каких данных не хватает и какие протоколы должны эволюционировать. Разумеется, некоторые эксперты будут вмешиваться индивидуально, но у нас ещё нет формы научного комитета, и, возможно, за этим — научного цоколя, чтобы автономизировать решения этой формы науки, этой новой науки. И то, что я здесь предлагаю, — замкнуть петлю и сделать в конечном счёте этот научный комитет автономным, способным обучаться на наблюдениях и случаях, собранных GEIPAN, а затем полноценно участвовать в становлении того, что, возможно, станет в будущем новой междисциплинарной наукой. Следующий слайд, пожалуйста. Мой третий обмен опытом касается самой чувствительной точки — сочленения между обороной, внутренней безопасностью, тайной и исследованием. Явление может существовать для обороны. Оно может быть обработано как оперативное событие и затем классифицировано в этот момент на

стороне обороны, не появляясь никогда на стороне GEIPAN, и не появляясь никогда публично — как гражданские или научные данные. И это в известной мере нормально. Мы видим это, например, с FRIPON. За 10, 15 лет до того как был запущен проект FRIPON, GEIPAN получал наблюдения болидов, метеоров. А потом появился FRIPON. И FRIPON собирал случаи болидов и метеоров. И GEIPAN их больше не получал. Дело закрыто. Дело закрыто выше по течению. И у нас в известном смысле то же самое, я бы сказал, с французской оборонной системой. Случай пролетает над Францией. Он будет перехвачен, проанализирован, затем классифицирован. И действительно, оборона может посчитать, что в определённый момент этот случай не требовал расследования. И, стало быть, всё останавливается. И тем не менее есть учёные, которые нам скажут: но да, нам это может быть интересно. В определённый момент можно было бы всё же делать науку на явлениях, которые могли бы быть, пусть даже птицами, шарами, плазмами, — вещами, которые могут служить референциалом в определённый момент, и для того чтобы анализировать более сложные случаи. Потому что не надо ошибаться. Мы делаем науку тоже всегда с референциалом. То есть, например, у нас был аспирант в GEIPAN, по когнитивной психологии, и они были очень заинтересованы... вы будете смеяться, но китайскими фонариками, абсолютно. И почему? Потому что в определённый момент это создаёт референциал наблюдения. Мы знаем, как выглядит фонарик. Мы не знаем, как выглядит НЛЮ. И я поставил вам как иллюстрацию также случай Гольфек. Это реконструкция, которую я сделал по фотографии, опубликованной в случае Гольфек. Речь о пролёте над атомной электростанцией явлением, которое представлено по показаниям свидетелей как три огня, то есть треугольный феномен, и который заставил GEIPAN много поработать. И, как говорил Жиль, он даже был переклассифицирован три раза в определённый момент. Мы задавали много вопросов на этот счёт. И в итоге он остался в категории С. Он мог бы быть классифицирован как D, но один свидетель отрёкся, и нам так и не удалось найти этого свидетеля, к сожалению. Он исчез, вероятно, также под воздействием шока, неожиданности, явления, которого не понимал и не хотел, в некотором смысле, объективно с ним столкнуться. И в этом случае вопрос, который я себе задаю: является ли неопознанный дрон НАЯ? Ну, я говорю: да. То есть неопознанный дрон, летящий над атомной электростанцией, — это действительно НАЯ. Не потому что он экзотичен, не потому что он фактически неопознанное воздушное явление, а потому что, в конечном счёте, мы не знаем его характеристик. И тогда вопрос становится конкретным — кто должен этим заниматься? Оборона? Жандармерия? Ядерная безопасность? GEIPAN? Парламент? Исследователи? Итак, вы найдёте в архивах Сената предыдущий доклад о пролётах ОРЕССТ — как раз атомных электростанций в 2014 и 2015 годах, который был очень поучительным. Доклад сообщил о 19 чувствительных объектах, 40 отдельных событиях, до 6 атомных электростанций, пролетаемых одновременно. И на этом парламентском слушании депутат констатировал, что мы всё ещё не знали, как люди могли организовать этот пролёт в течение недель, несмотря на мобилизованные службы наблюдения. И один заслушанный участник резюмировал немного неловкость, упомянув объекты, «о которых все говорят, но которые никто не хочет показать». Всё было сложно, потому что был задействован в известной форме судебный секрет. Итак, нельзя было показывать фотографии, нельзя было показывать видео, но об этом говорили. И вот, другой участник также говорил, но в конце концов, что это такое? И что меня также поразило — отсутствие GEIPAN в тогдашних дебатах. Я говорил себе, что организация, специализирующаяся на идентификации неопознанных аэрокосмических явлений, могла в конце концов быть актором — возможно, не центральным, но всё же важным актором в анализе этих явлений, их природы, поскольку все спрашивали об их

природе, — не был там, а мог бы быть. И я думаю, это симптом глубокой дихотомии между миром безопасности, защищающим национальные возможности, и гражданским и научным миром, который стремится понять. И правда, что трудность в том, что военные данные могут раскрывать возможности национальной системы. Так что нормально, что они защищены, что не распространяют, скажем, секретные или военные видео, вот так вот. Но, тем не менее, я думаю, стоит задаться вопросом о правилах передачи случаев, обрабатываемых обороной. И, в частности, сколько тоже классифицируется, сколько сохраняется, передаётся, классифицируется, и как мы можем лучше работать или управлять тем, что называют dual use. Это также европейские проблемы. Dual use — как, вокруг технологий, которые интересуют одновременно оборону и науку, можно найти в каком-то смысле мосты. Итак, речь не о том, чтобы всё делать публичным, речь просто о создании возможности шлюза между обороной и наукой, между тайной и анализом. Следующий слайд, пожалуйста. Мой четвёртый обмен опытом касается Европы. Европа, действительно, потому что я часто говорю, что НАЯ, явление, не знает территориальных границ. Мы были в Брюсселе два года назад с разными организациями, и мы поняли, что европейское небо на самом деле не называет НАЯ. Архитектура существует: есть европейский регламент — номер 376/2014, — он организует сообщение, анализ и мониторинг событий безопасности в гражданской авиации, он предусматривает вещи, но эта информация собирается затем авиационными организациями и национальными властями, фильтруется, а затем передаётся в европейские базы. У нас есть центральный референциал под названием ECR. И форматы опираются на то, что называют ECCAIRS, — это ADREP-таксономия ИКАО. Итак, есть система, есть организация. Проблема в том, что эта система фильтрует, с одной стороны, на национальном уровне, НАЯ — то есть НАЯ, которые могут потенциально касаться проблематики обороны, не поднимаются на европейский уровень. А затем, на европейском уровне, в таксономии ECCAIRS, событие не будет переведено в категорию НАЯ. Её не существует. Итак, с того момента как её не существует, мы попадём в категорию, которая совершенно неадекватна, Airprox, или потеря разделения, предполагаемые дроны, вторжение, события ATM и т. д., риск столкновения, но мы не умеем их находить. И, стало быть, риск может войти в базу данных, но неизвестное может исчезнуть. И, значит, здесь тоже Франции, при помощи EASA, Европейской комиссии и, в перспективе, Eurocontrol, следовало бы способствовать эволюции руководств по сообщению, помочь эволюции и таксономий. Речь не о создании впечатляющей европейской базы данных о НЛО — речь просто об улучшении системы авиационной безопасности, которая, в сущности, уже существует. А также, возможно, потому что нам его завидуют, GEIPAN, — то, что я слышу во всех европейских странах: у нас нет GEIPAN, — возможно, подумать об официальном устройстве типа GEIPAN, но на этот раз в европейском масштабе. Хочется сказать, у Франции есть опыт GEIPAN, у Европы — масштаб; надо теперь связать эти два. Следующий слайд, пожалуйста. Итак, я заключаю. Мой последний обмен опытом касается стандартов. На самом деле сегодня каждая страна, каждая организация, каждая база организовала по-разному то, что они называют неопознанными случаями, с протоколами, которые не будут схожи. Хочется сказать, в США неизвестное имеет такую форму, во Франции неизвестное имеет другую форму — моё неизвестное не обязательно ваше неизвестное. И крупная фундаментальная проблема за этим — если мы хотим организовать науку на международном уровне, нужно говорить об одном и том же неизвестном. И если мы не организуем стандарты, чтобы определять, что такое неизвестное, и если мы не будем разделять эти стандарты, протоколы, у нас не получится, и мы не создадим по-настоящему науки. Итак, я на этом заключаю. Сегодня научиться распознавать неизвестное — это, я думаю, прежде всего, — на последнем

слайде, пожалуйста, да. Это прежде всего уметь проявлять скромность, признавать пределы наших знаний и того, что нам ещё предстоит выучить. Отвергать неизвестное значит также отвергать любую эволюцию, любую потенциальность инноваций, — я об этом не говорил, но за неизвестными явлениями стоит очень значительный потенциал инноваций, я думаю, у Франции уже есть уникальный козырь — опыт GEIPAN, и она может преобразовать этот национальный опыт в государственную стратегию, в европейский вклад и в цоколь для международных стандартов. С методом, с осторожностью, с прозрачностью и с мужеством. Благодарю вас. Большое спасибо за эту презентацию и эти предложения, и за это замечание, которое ты сделал о измерении междисциплинарной науки и т. д.

Вопросы и ответы после второго круглого стола

В этом был смысл моего первого вопроса ранее. Чтобы, возможно, начать дискуссию, у меня много вопросов, но, возможно, один — достаточно ли мы масштабированы, чтобы противостоять этим явлениям? Ранее у нас была презентация, которая была очень полезной — о средствах обнаружения, радары и т. д. С, в частности, американскими данными — Leolabs и т. д. Хорошо видно, что есть много данных, которые можно использовать, которые можно развернуть с новыми датчиками, приобретаемыми сейчас командованием космических сил, которые придут, новыми телескопами для наблюдения за воздушным и, значит, за космическим пространством. С материальной точки зрения, с точки зрения инфраструктуры, достаточно ли мы оснащены, чтобы попытаться понять, что происходит над нами? И, возможно, другой вопрос из любопытства, возможно, к Жилю и к следователям в целом. Что в определённый момент заставляет захотеть встать на путь следователя, учитывая, сколько времени это отнимает? Ты это выразил — эта работа отчёта, сверки, презентации, а также обучения. Это сообщество, которое надо поддерживать, а также, вероятно, наука, которую надо укреплять. Итак, у меня был, возможно, более личный вопрос к членам GEIPAN, а также к его директору. Что делает так, что в определённый момент становишься вовлечён в это сообщество следователей? Мотиваций стать следователем — у людей их немало. Мы набрали четырёх новых следователей два месяца назад. Из 70 кандидатур за год. Люди чуть привержены определённому способу работать. Либо страстно увлечены расследованием, аэрокосмической отраслью, тем и другим, желанием влиться в сеть также — и вот, у нас был, ну, у нас был выбор, поэтому мы взяли людей, мы не ищем элитарности, так что могли бы взять людей с большим научным багажом, большим техническим багажом, но нет: у нас представлены все социально-профессиональные категории в пуле следователей GEIPAN, все люди — все возрасты, от 23 до более 70. Небольшой обмен опытом? Я думаю, что для разных следователей контекст, приведший их к тому, чтобы податься и практиковать расследование в GEIPAN, довольно разнообразен. Есть, разумеется, интерес к теме. Я могу засвидетельствовать личный опыт. Я в уфологической среде уже почти 50 лет. К сожалению. После десятка лет открытия этой среды, открытия проблемы, открытия всего этого, я начал работать в оптике, очень близкой к той, что применяет GEIPAN. И я параллельно следил за GEIPAN, потому что он существовал. Он начал практически одновременно со мной. Скорее я начал одновременно с GEPAN. В ту эпоху мы не могли участвовать вместе с GEPAN. Это был старый GEPAN и SEPRA. Итак, с момента, когда произошло открытие, мне всегда было более интересно смотреть, что делает GEIPAN. Я всегда следил за тем, что он делал. И, ну, со мной связались. Случайно, со мной связался первый директор GEIPAN, г-н Патене. Мы встретились и сразу же поняли друг друга. И он предложил мне прийти. В то время

следователей ещё не было, в экспертной группе. И как только следователи были введены — сначала IPN, интервенты первого уровня, потом следователи, — я подался, чтобы там быть. И к счастью, меня приняли. И, стало быть, я там с тех пор. В то время я работал, но сейчас на пенсии. Это, должно быть, видно. Вы догадываетесь. И теперь я делаю это из страсти. Это меня очень занимает и очень интересует. Так что стараюсь делать максимум и помогать моим младшим товарищам, которые примут эстафету. Вот. Это делается... Итак, несколько вопросов. Мы также сможем поговорить в перерыве, который наступает через пять минут. Большое спасибо и спасибо за качество этих обменов и выступлений. У меня было два маленьких вопроса о повседневном. Учитывая, что были некоторые бюджетные сокращения для CNES, около 300 миллионов евро за три года, — это сильно повлияет на деятельность GEIPAN? И второй маленький вопрос: призван ли GEIPAN также, в случае военного конфликта, стать органом поддержки военных, учитывая, что у вас разные партнёры в ВВС, в жандармерии? Может ли деятельность измениться, не знаю, в одну ночь для обучения или другой деятельности? Да, был пересмотр деятельности в CNES вследствие бюджетных ограничений. Я попросил внести свою долю. У меня нет режима проекта. Так что, речь не о суммах, речь о полных затратах, человеческих ресурсах, финансовых ресурсах, технических средствах — в общем, не буду вдаваться во всю технику. Итак, меня попросили приложить усилие, я его приложил, а потом в итоге мне вернули то, что я отдал. Так что у меня абсолютно никакого сокращения сферы моих действий на ближайшие три года. И по второму вопросу: CNES — гражданское учреждение, часть деятельности связана с Министерством вооружённых сил, потому что Министерство вооружённых сил — одно из курирующих ведомств CNES, но в целом всё, что относится к военным делам, это ВВС и Космические силы, это командование космических сил, которое этим занимается, и у нас нет предмета вмешиваться внутрь. Разве что что-то изменится, но я не вижу нашей добавленной стоимости. Спасибо за качество выступлений. У меня будет вопрос о знаменитых 3 % случаев, которые не опознаны после расследования. А priori, именно внутри этих случаев должен быть чуть какой-то научно-технический карман, которого мы не понимаем. И эти 3 %, я хотел бы, во-первых, узнать: эволюционировали ли они со временем? Находите ли вы всё больше объяснений или нет? И другой вопрос — но я благодарю г-на Вайана, потому что был немного разочарован научной стороной — кто, собственно, склоняется, анализирует этот дефицит научно-технических знаний? Это первая часть. И вторая часть, следствие, кто предписывает исследовательские действия, направленные на восполнение этого дефицита научно-технических знаний? Последний вопрос: это, разумеется, разочаровывает, и я об этом сожалею. Надо, чтобы был паритет. Да. Здравствуйте, господа. Спасибо за ваше выступление. У меня был вопрос, по сути, я представляю несколько ассоциаций и коллективов, у меня был вопрос от имени ассоциации Taranis, которая внедрила протокол захвата НАЯ. Что мы можем сделать, когда мы — ассоциация, снимающая видео, показывающие явления, которые были заверены, что не объяснимы консультантами GEIPAN, и которые имеют крайне тревожную кинематику, во всех точках идентичную той, что раскрыта американскими властями? Что мы можем делать с этими видео, когда нет продолжения от компетентных учреждений? Спасибо. Все свидетельства свободны в GEIPAN, так что достаточно заполнить анкету, назвать свою личность, предоставить фото, видео, отвечать на то, что видели, ну, где ассоциация всё это видела, и особых проблем нет. Не знаю, почему вы говорите, что мы отклоняем; у меня нет знания о запросах от ассоциации Taranis. Если это ассоциация Taranis с нами связывается, то, конечно, мы не ответим — нам нужен кто-то, нельзя свидетельствовать под псевдонимом. Ясно, что люди должны заявить свою реальность, они должны также видеть своими глазами то,

что заявляют, и отталкиваясь от этого, если это приемлемо, мы не будем делать апартеид. Мы им ответим. Да, по 3 %: есть 3–4 % случаев, есть 106, которые публикуются на сайте GEIPAN, охватывающем одновременно современный GEIPAN и GERAN, SEPRA. В определённый момент было чуть больше — было 20–25 %, которые были категоризированы D. Надо сказать, что категория D не имела в точности того же значения, что сейчас. Это были случаи, заслуживающие интереса... До классификации D было более документальное назначение, то есть была предклассификация. И правда, мы её ужесточили, в конечном счёте, с рождением GEIPAN. Далее, что касается исследовательской деятельности, это даёт мне ответы на мои вопросы, это Группа изучения неопознанных аэрокосмических явлений. Мы не делаем исследований. В целом мы делаем очень мало исследований в CNES. Итак, исследования доверены университетам, доверены CNRS. Мы здесь, чтобы их анимировать, и вопроса нет. Кроме того, я не знаю, как можно перевести это исследование. Нет темы, которую нужно разместить в CNES. Темы публикуются на сайте, обо всём, над чем мы работаем. Нет темы в этой области. Но в целом не CNES делать исследования; мы можем пилотировать при необходимости, если сообщество организуется. Последний вопрос перед паузой. Это он. Спасибо, наконец. Здравствуйте, господа, за две секунды. Прежде всего, спасибо за всё, что вы объяснили. Правда, работы, которые вы ведёте, — я нахожу — фантастические. Я функционирую по Парето — то есть что становится с 3 %? И, разумеется, работа, которая делается прежде, разумеется, существенна, но что становится с 3 %? И г-н Вайан, я вам бесконечно благодарен за ваш подъём высоты, потому что именно он меня движет сегодня. Итак, я гражданка, я пришла сюда, я не журналист, я работаю в частном секторе, я просто очень интересуюсь темой и явлениями. И я задавалась вопросом, если, разумеется, вы поднимаете тему на политическом, общественном уровне, — как она структурируется, с какими средствами, с каким подходом — то есть не просто анализировать метрическим исследованием, но также исследованием, открытым для всех наук, и, значит, как мы её артикулируем, как её структурируем и т. д. Идентифицируете ли вы в нациях, близких нам, или в других местах мира, если другие инстанции, страны, нации открыты этому типу построения? Абсолютно. И я думаю, это совершенно общая констатация. То есть, если сегодня мы ставим этот вопрос стандартов и того, как можно изготовить науку, это потому, что базы данных есть, но они все разные. Все они исторически были построены с разными протоколами и средствами. Есть это, с одной стороны. А с другой — тот факт, что наука, которая существует сегодня для НАЯ, — у нас есть экспертный комитет в GEIPAN, например, у нас есть учёные, работающие в своей лаборатории или каждый в своём углу, но она не существует холистически, не глобально в масштабе нации. И это то же самое во всех странах. Итак, что мы пытаемся сделать, что мы пытаемся увидеть, — собраться с разными организациями, чтобы увидеть, как можно, в некотором смысле, извлечь эти тезисы, эти исследовательские статьи, уже существующие во всех научных областях, чтобы объединить их и, в некотором смысле, продвинуть с организациями типа SUAPS, но и другими, то есть на международном уровне, — чтобы построить форму международной коалиции, которая поддерживала бы или помогала бы во всяком случае вызывать эту форму новой науки, этой науки, которая нам нужна. И я хотела поблагодарить, извините, и я отпущу микрофон после, потому что... спасибо, что организовали коллоквиум. Спасибо за ваши «спасибо». И у нас будет маленький перерыв 10 минут. Итак, возвращаемся сюда в 17:50 на последний круглый стол.

Филипп Айерис (UAP Observations Reporting Scheme)

Филипп, я передаю тебе слово для этого первого выступления. Хорошо. Здравствуйте, дамы и господа. С начала этого коллоквиума мы услышали разных выступающих, обращавшихся к неопознанным аэрокосмическим явлениям в исторических, социологических, операционных, научных или институциональных ракурсах. Со своей стороны хотел бы принять слегка иной ракурс. Вместо того чтобы спрашивать, что такое эти явления НАЯ, я предлагаю поразмышлять о том, как мы их наблюдаем и изучаем. Потому что настоящий вызов — не только необъяснённого. Это также вызов наблюдения, производства данных и управления неопределённостью. Именно этими размышлениями я хочу с вами сейчас поделиться. Следующий слайд. Следующий, извините, стало быть. Итак, чтобы структурировать эту презентацию, предлагаю сейчас обратиться к трём простым вопросам. Прежде всего — что мы действительно видим, когда говорим о неопознанных аэрокосмических явлениях? Затем — как преобразовать наблюдение в научно пригодные данные? И, наконец, какова может быть роль институций перед лицом явлений, которые порой остаются неопределёнными? В резюме — речь о том, чтобы наблюдать, документировать, а затем понимать. Начнём с наблюдения. Следующий. На самом деле надо прежде всего сказать, что НАЯ ставят вопросы не только свидетелям. Они ставят вопросы также научным и государственным институциям. И по какой причине? Потому что когда необычное явление наблюдается в небе, публика естественным образом ожидает объяснений, основанных на фактах. Однако институции не призваны объяснять все НАЯ. Тем не менее они могут вносить свои экспертизы, когда наблюдение касается их областей компетенции — например, атмосферные явления, астрономия, человеческие технологии или космическая деятельность. И именно эта космическая деятельность сегодня гораздо более видима, чем несколько лет назад. Эта революция отражается теперь непосредственно в сообщениях о НАЯ в Европе. Спасибо. Итак, конечно, одна из самых заметных эволюций последних лет — растущая видимость космической деятельности. Две фотографии, представленные здесь на экране, — хорошие примеры. Их порой интерпретировали как необычные явления, тогда как они соответствуют совершенно опознанным событиям, связанным с запусками ракет. Сегодня и шире у вас есть спутники, международная космическая станция, поезда Starlink, атмосферные входы или некоторые явления, связанные с носителями, которые представляют растущую долю сообщений. Цифры, представленные на слайде, происходят из статистики, установленной в Бельгии и Германии в сотрудничестве с европейским сообществом EuroUFO.net, которое уже несколько лет вносит вклад в серьёзный сбор и анализ свидетельств о НАЯ. Важная идея, по сути, не в статистике, а в том, что космос производит не только научные данные, но также становится растущим источником свидетельств о необычных наблюдениях, а значит, и НАЯ. Но если наблюдения НАЯ поднимают столько вопросов, это также по причине того, что их особенно трудно изучать научно. Следующий. Итак, прежде чем говорить о данных или о роли институций, надо обозначить фундаментальную трудность. Если НАЯ трудно изучать, то не в первую очередь потому, что они загадочны, а прежде всего потому, что они непредсказуемы. В науке мы обычно можем подготовить эксперимент, повторить измерения и сравнить результаты. Здесь — почти наоборот. Мы не знаем ни где, ни когда произойдёт наблюдение НАЯ. Явления часто краткие, невозпроизводимые и появляются вне какого-либо адаптированного инструментального покрытия. К этому добавляется ещё одна трудность, упомянутая ранее. Большинство наблюдений опирается прежде всего на человека-свидетеля. Но большинство свидетелей не являются ни астрономами, ни пилотами, ни специалистами по наблюдению неба. Они сталкиваются часто неожиданно с явлениями, которые они не привыкли наблюдать. Естественно поэтому, что значительная часть сообщений в конечном счёте

соответствует совершенно опознаваемым атмосферным, астрономическим, аэронавигационным или космическим явлениям. Но надо сказать, добавить к этому: неопределённость работает в обе стороны. И наоборот, действительно необычные явления могут также остаться незамеченными, быть недостаточно задокументированы или закрыты слишком быстро, за нехваткой достаточных данных. Итак, имеющиеся данные часто неполны или трудны для интерпретации. В итоге настоящий вопрос — не только что мы наблюдали в небе; это также то, какими данными мы располагаем, чтобы это анализировать. Иначе говоря, не все наблюдения НАЯ несут один и тот же уровень информации, а значит, не имеют одной и той же научной ценности, как отражено на простой пирамиде, показанной на слайде. Человеческое свидетельство у основания может быть очень полезно, чтобы сообщить о явлении, но редко предоставляет достаточно данных для полного анализа. Чем больше добавляют инструментальных измерений, а затем нескольких независимых датчиков, тем больше растёт научная ценность. На вершине этой пирамиды качества и богатства доступных данных находятся, разумеется, физические данные, прямо пригодные для использования. Но ситуация крайне редкая в наши дни. Послание простое. Чем больше данных, независимых и хорошо документированных, тем более возможным становится понять, что было наблюдаемо. Но даже когда видео существует, например, часто не хватает существенной части контекста. И этот вопрос контекста особенно важен сегодня, в частности когда анализируют определённые видео, вызывающие много внимания в публичных дебатах. Следующий. Итак, уже несколько лет и ещё больше с недавними публикациями из США по поводу якобы классификаций, публика регулярно сталкивается с изображениями, представляемыми как особенно интригующие. Здесь вы видите фото — пример 2021 года. Видео вызывают много интереса, разумеется. Они показывают, что явление действительно наблюдалось. Чего часто не хватает — это существенных данных: реального расстояния, размера, скорости, параметров датчика или радарного и среднего контекста. Без этих элементов становится трудно отличить необычное явление от простого эффекта наблюдения или инструментального ограничения. Итак, видео представляет собой отличную отправную точку, но редко — научную демонстрацию само по себе. Следующий, если хотите. Красные спрайты, которые вы видите на экране, — это преходящие световые явления, наблюдаемые над грозами, — хорошо иллюстрируют то, как прогрессирует наука. Действительно, история наук хорошо показывает, что некоторые явления, долго считавшиеся анекдотическими или плохо понимавшимися, смогли быть объяснены только после прихода адаптированных инструментов и более качественных данных. Спрайты — прекрасный пример. В течение нескольких десятилетий пилоты сообщали о кратких световых явлениях над грозами. За неимением инструментальных измерений эти свидетельства оставались трудноинтерпретируемыми и даже скорее игнорировались. Затем, в конце 1980-х годов, первые инструментальные наблюдения изменили ситуацию. Спрайты постепенно стали предметом научных исследований. Сегодня эти явления изучаются даже с космической станции. Разумеется, можно сказать, что спрайты не являются НАЯ, но этот пример прекрасно показывает, что долго необъяснённое явление может стать понятным, когда прогрессируют данные и инструменты. Эта идея естественно ведёт нас к роли институций. Следующий. Спасибо. Итак, после наблюдений и данных встаёт последний вопрос: какова может быть роль институций? Я добавил некоторые на этот слайд. Они, разумеется, не все имеют одну и ту же миссию — эти институции. Некоторые собирают и документируют свидетельства. Другие помогают определить наиболее вероятные объяснения, когда они относятся к их области экспертизы. Ещё другие вносят вклад в сохранение данных, мобилизацию научных или технических

компетенций, или в разработку методов анализа. Их роль может быть также — вернуть наблюдение в его контекст, оценить уровень неопределённости, связанной с доступной информацией, и коммуницировать эту информацию ясно и прозрачно публике. Эти размышления, к слову, не новы, поскольку между 1976 и 1978 годами премьер-министр Гренады сэр Эрик Гейри в течение трёх лет обращался к Генеральной Ассамблее ООН, стараясь продвигать исследования НАЯ. И сегодня различные организации продолжают эти размышления, каждая в рамках своих компетенций. Но что важно подчеркнуть: для научной институции вовлечённость не может, однако, покоиться только на любопытстве. Она предполагает ясный мандат, научную релевантность, общественный интерес, институциональную волю инвестировать в тему, и, когда это необходимо, международное сотрудничество. Цель остаётся всё той же: производить надёжные знания, сокращать неопределённости, когда это возможно, и информировать публику строго и ответственно. Но по сути НАЯ представляют лишь часть гораздо более широкого вызова. Сегодня мы наблюдаем всё более сложное небо. У нас больше дронов и летательных аппаратов разных типов, у нас больше спутников, больше запусков ракет, больше данных, а также больше необычных наблюдений. Ставки касаются науки, качества данных, воздушной и космической безопасности, информации публики и международного сотрудничества. Но они касаются также наших коллективных способностей развивать подлинную научную культуру перед лицом неопределённости, отличая установленные факты от гипотез и поощряя дебаты, основанные на данных. Новые технологии, в частности искусственный интеллект, предлагают сегодня новые и небывалые перспективы для использования больших объёмов данных и обнаружения необычных явлений. Наконец, я бы сказал, эти ставки также участвуют в поддержании доверия между гражданами, учёными и институциями, предоставляя прозрачные, строгие и соразмерные доступным знаниям ответы. Они также напоминают нам, что наука прогрессирует, оставаясь открытой к новым наблюдениям, требуя доказательств на уровне утверждений. Итак, неизвестное не должно быть ни принято без доказательств, ни отвергнуто из принципа, а изучено методично. И последний слайд, спасибо. Итак, в заключение, я вернусь к этим трём идеям начала: наблюдать, документировать, понимать. Мы живём сегодня во всё более сложной воздушной и космической среде, где некоторые необычные наблюдения не всегда могут быть опознаны немедленно. Это не позволяет вывести их происхождение. Но это оправдывает продолжение наблюдений, улучшение данных и продолжение исследований. Наука не прогрессирует ни принятием всех гипотез, ни их систематическим отвержением. По сути вызов не в том, чтобы защищать необычайные выводы. Вызов — улучшить нашу способность изучать необычные явления с открытостью ума, строгостью, методом и критическим духом. Именно так необъяснённое может постепенно становиться объектом знания.

Батист Фрикур (корреспондент, The Debrief, Sentinel News)

Благодарю вас за внимание. Теперь мы передаём слово Батисту Фрикуру. Здравствуйте, спасибо, что принимаете меня сегодня. Я хотел бы прежде всего вернуться — мне показалось, что мы всё же дали мало определений по теме, о том, что такое НАЯ. НАЯ — это неизвестное. Работа науки — перевести то, что неизвестно, в известное. Всегда будут НАЯ, всегда будут открываться новые вещи. Теперь надо обратиться к вопросу: какие НАЯ нас интересуют? Ищем ли мы плазмы в верхней атмосфере? Ищем ли мы продвинутые платформы, способные иметь характеристики,

превышающие то, что есть в наших арсеналах? В этом вопрос. Я хотел бы начать с хрестоматийного случая — бельгийской волны. Она произошла недавно, на очень небольшом расстоянии от нас. Разворачивается между 1989 и 1991 годами и сосредоточена в Валлонии и Брюсселе. За этот период — более 2000 наблюдений, вплоть до нескольких десятков наблюдений в один и тот же день. Эти наблюдения также делают жандармы, которые преследуют на автомобиле эти объекты, летящие на очень малой высоте. Проводятся воздушные перехваты. Каждый раз эти объекты умудряются оторваться от F-16, хотя их и захватывает радар. Пилоты описывают, что эти объекты уходят на большой скорости или невидимы из их кабины, но видимы с земли, по словам жандармов. Итак, перед нами сложные платформы, это не простые ситуации. Есть официальный отчёт майора Ламбрехта, подводящий итог, например, операций, проведённых 30–31 марта 1990 года, где будет девять попыток перехвата. Каждый раз объекты уходят. Итак, что особенно интересно в этом случае — политическое высказывание. 16 декабря министр обороны Понсле берёт слово и говорит, что то, что наблюдалось, — это огни ночных клубов, которые отражались облаками. 18 декабря полковник Де Брауэр, глава ВВС, заявляет, что это невозможно: у этих огней была радарная сигнатура. И вот мы оказываемся перед населением, у которого сразу две совершенно разные версии от двух фигур власти. И несмотря на всё это, несмотря на количество сообщений, несмотря на перехваты, не было никакой паники. У нас есть хрестоматийный случай, произошедший в нескольких сотнях километров от нас, который показывает, что нет паники населения, даже в крайне значимых случаях. Итак, это первый вывод, который уже можно сделать из изучения этого явления, даже на очень большом расстоянии. Даже считая, что это были элементы, которые были совершенно нормальными и были неправильно интерпретированы, это не вызвало паники. Вторая вещь, к которой я хотел бы вернуться, — это европейская часть. Уже несколько десятилетий — и надо отдать должное работе европейских депутатов за это — в Европейскую комиссию направляются вопросы по теме НАЯ. Ответ Комиссии систематически один и тот же: речь о национальной компетенции стран, это не входит в европейскую компетенцию, и, напротив, они вполне согласны использовать, например, программу Horizon для запуска исследовательской программы по теме. Можно, например, взять недавние вопросы депутата от Массы, где именно это и объясняется. Это не исследовательская цель, у Европейской комиссии нет информации, это не входит в области права космоса. И по поводу внедрения специфических инструментов для пилотов, они объясняют, что это уже существует внутри EASA, Европейского агентства авиационной безопасности. Проблема в том, что эти отчёты пилотов засекречены. Только в двух странах Европы эти отчёты доступны. Это Швейцария и Великобритания. И, напротив, они крайне интересны. Если вы просто посмотрите отчёты Великобритании — 19 мая 2025 года над центром Лондона, одной из наиболее наблюдаемых зон Европы, на высоте 3000 метров и скорости 450 км/ч, A320 наблюдает треугольный объект, проходящий в нескольких метрах от его кабины. И здесь возникает вопрос о безопасности полётов. Этот вопрос был задан представителям EASA, когда было мероприятие, организованное Микаэлем Вайаном в Европейском парламенте. Он сказал, что система отчётности уже существует и что вопросов ставить нет. Можно задаться вопросом: почему этих отчётов боятся больше в Европе, чем в Великобритании или Швейцарии? Что у нас, напротив, есть — вопреки тому, что говорил г-н Вайан, — у нас уже есть научные программы, которые существуют и работают по теме, но они работают в научном времени, которое не есть время прессы, не есть время медиа. У нас есть несколько исследовательских программ или проектов исследовательских программ, ведущихся сейчас в университетах мира, в Европе и во

Франции, у некоторых есть возможности развернуть обсерватории специально для НАЯ, чтобы получать данные, которые были бы неоспоримы и на академических стандартах. Позади меня вы видите пример — программу IFEX в Университете Вюрцбурга, организованную профессором Хаканом Каялом и имеющую поддержку армии. Нам не нужна суперструктура над этим — это нормальный способ функционирования науки. Возвращаясь к Великобритании: каждая страна планеты столкнулась с этим явлением, которое не ждёт, пока им займутся. Оно приходит, и это дело действующей власти реагировать. Я не буду делать историю каждой страны, ограничусь лишь несколькими ключевыми периодами. В Великобритании множество случаев привели к созданию двух групп: секретного военного бюро и политического бюро — тоже военного. Публичного, извините, тоже военного. Недавно всплыл образ НЛО из Калвайна, сфотографированного в 1990 году, извлечённого в прошлом году доктором Дэвидом Кларком, который сейчас изучает его в Университете Шеффилд Халлам и Университете Эндрю Робинсона. Оригинальные снимки, переданные в газету, были конфискованы силами обороны. Здесь тоже можно задаться вопросом: нужно ли ждать всё это время, чтобы университеты могли изучить простые фотографические следы, подлинные или ложные? Также надо отметить работу Палаты лордов. В последние годы лорды — не хочется говорить «травили», но были крайне настойчивы с представителями Министерства обороны по вопросам НАЯ. Ответ Министерства обороны: это не представляет вопроса национальной обороны. Здесь тоже, если взять отчёт Airprox от 19 мая 2025 года, если объект, пролетающий над Лондоном и не подконтрольный, не представляет вопроса национальной безопасности после 11 сентября, — можно задаться вопросами. На слайде вы видите отчёт Condign, сделанный в 2000 году. Это отчёт, подводящий итог нескольких лет военных исследований по теме НАЯ. И внутри есть очень интересная фраза: он рекомендует британским пилотам не приближаться к НАЯ и не пытаться их перехватывать, потому что это провоцировало, в подобных ситуациях, потери среди союзных сил. Если это не проблема национальной безопасности, можно задаться вопросами. У вас также в Университете Дарема есть профессор Майкл Боландер, который создал декларацию о легитимации научных исследований SETI и НАЯ, размещённую Университетом Дарема, но не кооптированную. Мы всё ещё в научном промежуточном положении. Этот пункт очень важен, но очень недооценён. Когда я говорил ранее об определении того, что такое НАЯ, — ищем ли мы платформы, превосходящие все наши возможности, или плазмы в космосе? Чтобы поставить это условие в игру, надо ввести внутрь исследования SETI. SETI — это аббревиатура для поиска внеземного разума. Любопытно, что институции SETI всегда были крайне враждебны к ведению исследований одновременно по теме НЛО. У меня есть свидетельства учёных, которых я интервьюировал в своей журналистской функции, — они говорили, что их статьи отклоняли, потому что организации SETI считают, что тема не легитимна в исследованиях SETI. Следующий. В Испании уже в 1991 году была огромная операция по рассекречиванию военных отчётов. И листая их, вы найдёте многочисленные отчёты, показывающие, что были пролёты над военными базами, природа которых необъяснима. Как правило, это происходит в 70-е годы. В 2018 году у нас также был новый директор национальной безопасности — полковник Педро Баньос, который заявил, что некоторые случаи НЛО относятся также к секретным американским технологиям. Итак, когда мы говорим о продвинутых платформах, не надо забывать, что есть также технические возможности, скрытые от публики по необходимости обороны. В Италии есть подразделение ВВС, которое ежегодно распространяет годовой отчёт о числе встреченных объектов, проведённых расследованиях и распределении по территории. У вас также есть исследования, ведущиеся в архивах

Ватикана доктором Пасулкой, чтобы найти древние случаи. Можно также отдать должное работе Жака Валле, который здесь присутствует в зале и провёл очень длительную архивную работу, чтобы найти эти древние случаи. Вы найдёте их в «Wonders in the Sky», и здесь действительно возникает вопрос. То есть, если у нас есть продвинутые платформы, сделанные до XIX века, это всё-таки поднимает вопросы об их происхождении. Следующий. В России — у России огромная история по теме, я буду очень быстро. В последние годы институции стали молчаливыми из-за конфликта в Украине. Тем не менее в прессе постоянно есть свидетельства пилотов, которые говорят, что в течение своей карьеры встречали эти объекты в небе, и вы найдёте почти постоянную симметрию между американскими высказываниями и российскими высказываниями. Они показывают, что да, они тоже занимаются темой. В 2024 году Институт Келдыша выпустил обращение к свидетелям для установления исследовательской программы. Это институт, работающий над очень высокими энергиями. При падении Стены — интересный пункт — российские адмиралы заявляют, что наблюдали неизвестные объекты в глубинах. Свидетельство, подтверждённое в США доктором МакГвайром, который, когда он был в миссии на ядерной подводной лодке, наблюдал огромный аппарат, проходящий рядом с лодкой и заставивший её всплыть. Это также подтвердил адмирал Голландет. Поскольку Франция располагает второй по величине морской исключительной экономической зоной, было бы интересно спросить наших подводников, встречали ли они те же объекты. У нас было присутствие ВВС и Космических сил, у нас есть GEIPAN, посвящённый аэрокосмическим явлениям. Теперь, когда у нас более 70 лет извлечения данных, мы знаем, что эти объекты способны проходить через любую среду без всяких затруднений. Какова точка зрения флота? Одна из стран, наиболее продвинутых по теме в политическом смысле, — это Япония, которая внесла большой вклад в коллоквиум. Она заявляет о готовности сотрудничать с любой другой нацией, стремящейся работать по теме. У вас есть парламентская группа во главе с бывшим министром обороны Ясукадзу Хамадой, и многочисленные министры обороны с 2020 года все заявляли, что тема важна, что они работают с Соединёнными Штатами, что они изучают отчёты своих собственных пилотов. В Чили с 1997 года у армии есть постоянная исследовательская группа по теме. В Китае — итак, преимущество Китая в том, что там абсолютно нет табу по теме, поскольку тема даже поощрялась правительством, которое хотело использовать население как инструмент обнаружения этих объектов. И внутри китайских традиций и легенд эти объекты упоминаются. Уже в 2014 году они организуют конференцию пяти континентов. Они сами пытаются создать политический консенсус со своей стороны. Приглашены участвовать исследователи из полутора десятков стран. В 2021 году мы узнаём, что военная группа изучения НЛО способна предвосхищать траектории НЛО с использованием искусственного интеллекта и что они используют это для ведения миссий перехвата. В 2026 году мы узнаём, что они с большим вниманием изучают американские архивы, выложенные в сеть президентством Трампа, и в статье, прошедшей в общем-то незамеченной. Вверху слева китайская армия распространяет пропагандистскую статью, чей заголовок, подхваченный национальной прессой, — что китайская армия провела миссии перехвата против НЛО. Сама статья занимает несколько страниц. И это заголовок, выбранный газетами, чтобы подхватить информацию. Внутри — свидетельство пилота, который заявляет, что между 80-ми и 90-ми годами неизвестный объект вошёл в китайское воздушное пространство и они провели экстренную операцию по его перехвату, и что перехват удался. Следующий? В Уругвае ВВС расследуют тему с 1979 года и поддерживают очень тесные соглашения с США. И это довольно интересно, потому что 1979 год — это момент, когда США заявляют, что

тема неинтересна. И тем не менее они будут поощрять страны Южной Америки создавать свои собственные группы расследования темы. Следующий. Здесь мы подходим к большой части. Бразилия, вероятно, одна из территорий, наиболее плотно подвергнутых явлению. Чтобы взять точку отсчёта, среди прочих: в 1977 году — случай Коларес, у вас население, живущее в деревне, оказывается с ранами, ожогами, они описывают, что видели объекты, приходящие и посылающие световые лучи; эти световые лучи способны проходить через стены, не оставляя следов на стенах, — то есть действительно ненормальные вещи. Перед лицом констатированного ущерба бразильская армия прибывает на место, чтобы провести расследование. Ещё и сегодня эти документы не сделаны публичными. Часть начала становится публичной, но ни один фотографический или видеодокумент не был обнародован. Жак Валле, который до сих пор в зале, был одним из следователей на месте. Один из случаев, который совсем недавно вернулся в новости, — случай Варгинья, произошедший в 1996 году, случай крушения объекта с близкими контактами, которые за ним последовали, — и который долго оставался в уфологической мифологии. И оказывается, что в 2026 году Альдо Ребело, бывший министр обороны Бразилии, заявил, что да, этот случай действительно имел место. Между 2022 и 2025 годами также были слушания в бразильском парламенте по теме, с приглашёнными экспертами. Канада также посвятила себя теме — у Канады тоже очень длительный опыт феномена, с многочисленными государственными группами, в том числе проектом Magnet, например, которые взялись за тему очень серьёзно. И перед лицом амплитуды волны информации, приходящей из США с 2017 года, они запустили — руководителем научного бюро — обновление данных Канады, в том числе опрос среди населения, в котором 27 % населения заявили, что видели ненормальный объект. Даже если взять 5 % случаев очень высокой уверенности и очень ненормальных в статистике GEIPAN, у нас всё равно получаются несколько десятков тысяч полностью ненормальных случаев в канадском населении. Следующий и следующий. Переходим к США. Итак, очень быстро. С 2017 года у нас была волна информации, которая была слита из обороны. Между 2017 и 2020 годами проводились брифинги между пилотами и политическими ответственными лицами. С 2022 года — серия слушаний, на которых свидетели, представители правительства, военные приходят заявлять, что да, это явление реально. Да, оно наблюдалось, и, судя по всему, информация не поднимается. Это продолжается и сегодня под руководством американских избранных, о которых мы говорили ранее. Представительница Луна, которая попросила амнистии для всех, кто мог бы иметь интересную информацию. И здесь, напротив, надо сделать оговорку: это «могли бы иметь интересную информацию». Это не значит, что информация этих людей подтверждена, это в преддверии расследования. Наконец, чтобы ответить на то, что было сказано. Можно ещё две минуты? Две. Потому что иначе я не смогу говорить о Франции, что было бы немного жаль. Итак, во Франции начало темы часто возводят к 1947 году в США, но в 1946 году у нас есть след в разведке о меморандуме французскому президенту, предупреждающем, что в северных странах были замечены объекты, которые совершенно ненормальны. Мы после Второй мировой войны, тогда не понимаем, Германия рухнула, мы в 1946-м, видим объекты, которые пересекают Балтийское море и приходят на побережья северных стран. Итак, мы знаем, что уже тогда французская власть была в курсе. В 1952 и 1954 годах — большая волна сообщений, что заставляет тогдашних депутатов навязать армии создание военной группы. Итак, у нас одни из самых древних корней военных исследований по теме НАЯ внутри Франции. В 1970 и 1975 годах — новая волна наблюдений. Её подхватит Институт высших исследований национальной обороны. У нас есть интервью Робера Галле, министра обороны, который заявляет, показывая секретные досье перед

журналистами, что да, французские пилоты действительно видят эти объекты и что эти объекты ненормальны. Он даже уточняет, что по числу расследований, проведённых жандармами по случаям близких контактов, их нельзя отложить в сторону. В 2000 году будет публикация отчёта СОМЕТА, «НЛО и оборона», также рассматривающего НЛО в контексте национальной безопасности. В 2008 году — создание комитета Sigma. В 2021 году они публикуют свой промежуточный отчёт, который я вам горячо рекомендую, если вы ищете техническую информацию о том, что такое сообщение об НЛО, какие электромагнитные сигнатуры, эффекты излучения, — у вас всё это будет внутри, это огромная работа на 400 страниц. Мы приходим в 2025 год с PDSF — Paris Defense and Strategy Forum, который примет круглый стол по НАЯ. В 2025 году у нас также будет Vision Radar в военной школе, которая организует коллоквиум по НАЯ. И в PDSF 2026 это упоминалось внутри военных прогнозов. Сейчас во Франции несколько университетов размышляют о том, как подойти к теме, или даже создать исследовательскую программу. Наконец, крошечное отступление. Он думает, что он на своём канале, он привык к формату 2 ч 45 мин, я вас предупреждаю. Предложение исследовательской программы было подано также в крупное французское агентство. В ходе моего расследования для ваших брифингов я смог связаться с французскими военными пилотами, особенно в военно-морских авиационных силах. Они подтвердили, что имело место наблюдение этих продвинутых необъяснимых платформ; напоминаю, что это военные пилоты, их подготовка состоит в идентификации абсолютно всего, что они могут увидеть в своём пространстве. И когда я спросил их о частоте, они заявили, что это 3–4 случая в год внутри их подразделения. Когда я спросил их, почему они не передавали информацию в CAPCODA, о котором мы говорили ранее, — они сказали, что риск для их карьеры был слишком велик. Когда я провёл абсолютно то же исследование среди гражданских пилотов, они ответили мне ровно то же самое. Риск для карьеры слишком велик. И что очень интересно — это то, что это воспринимаемый риск. То есть у нас есть несколько случаев за пределами Европы, когда пилоты были поставлены в резерв за то, что заявили о наблюдении НАЯ. Но если взять, например, пример Жака Крена во Франции, пилота, видевшего совершенно ненормальный объект и имеющего свидетельство крайне надёжное, — против него не было принято никаких мер. И когда я спросил их, что могло бы изменить положение, они заявили, что это факт: если бы кто-то из генштаба сказал, что есть необходимость

Сильвен Мезонёв (бывший министерский советник, автор)

докладывать об этих объектах вышестоящим инстанциям. Спасибо. И для последнего выступления передаём слово Сильвену. Большое спасибо, господин депутат. Благодарю, господа депутаты, за организацию этого мероприятия. Это действительно очень смело с вашей стороны. И потому я хотел приветствовать это. Немного импровизирую в одной части, потому что думал, что будет чуть более содержательное развитие истории явления. И, разумеется, мы не в американском, европейском или ином спектре, мы в основном во французском, и я хотел на этом немного оттолкнуться, так что часть буду импровизировать. Только чтобы сказать, представиться быстро, я почти 5 лет работал советником в министерских кабинетах, как советник, ответственный за предприятия, и пришёл по случаю кризиса Covid и ушёл после кризиса урагана Чидо, разорившего Майотту. Так что я также присутствовал, хотя не работал по этому досье, когда, например, Россия вторглась в Украину, и нас уверяли,

что это, конечно, немыслимо и это просто учения. Что я запомнил, на самом деле, из механики власти в кризисной ситуации или в нормальной ситуации, кстати, — это, конечно, много позитивных моментов. Есть много интеллекта, много делиберативного интеллекта на уровне государства, но есть также действительно структурные слабости, и я насчитываю четыре. Первая: мы не очень хороши — я это особенно видел во время Covid — в том, чтобы наблюдать и анализировать одновременно холистически и гранулярно то, что происходит за границей. Бенчмарк — это действительно наше слабое место. Второй слабый пункт, и он культурный: у нас конформистский настрой. То есть нам трудно размышлять вне рамок, уже представлявшихся, по которым у нас есть пассив, чтобы рассуждать. Третий: наш софт — софт регуляции. Нам нужно быть в состоянии охватить, определить и квалифицировать, чтобы адресовать тему. По определению, когда мы на теме НАЯ, это существенно сложнее и, значит, софт зависает. Четвёртая и последняя трудность, ну, — демонстрация. Это дело рептилоидов, как всем известно. Четвёртый слабый пункт — это подъём данных, и здесь действительно всё крайне вариативно от службы к службе, потому что у нас, конечно, есть дирекции превосходства в Версу: казначейство, Генеральная дирекция предприятий и т. д. Это вещи огромного качества. Другие центральные администрации, в частности за пределами Версу, чуть слабее. В вооружённых силах, разумеется, уровень тоже отличный. Но что бы ни было, даже в администрациях превосходства видно, что подъём данных и подъём качественных данных в действительности гораздо сложнее, чем считается. И не надо верить, что всё доступно и т. д., так же легко, как это. У нас есть реальная операционная задача сбора и обработки данных на политическом уровне. Итак, вступление сделано, и надеюсь, что не буду говорить столько же, сколько Батист. Но эти элементы, если хотите, я держу в голове, когда смотрю на явление НАЯ. Потому что по сути у нас есть два способа его адресовать. Либо мы говорим себе — по сути, это чушь; то есть либо у нас есть явление, или, точнее, явления, которые в действительности объяснятся крайне легко, когда у нас будет прогресс наших технических инструментов, когда у нас будет больше ИИ, чтобы делать гораздо более систематические анализы. И так далее. У нас также есть, разумеется, доля конспирологии, сектантства. Я, кажется, понял, что были некоторые, распространявшие листовки перед собранием ранее. Не знаю, был ли у них большой успех, но вот. И вот, это на самом деле, с этой точки зрения, тема, — либо считают, что это неправдоподобно, и это сегодня доминирующее культурно и политически. Вы понимаете, я в рамках подготовки книги связывался со многими министрами, потому что начал её писать, когда был ещё в должности, к тому же. Ни один не счёл, что это серьёзная, правдоподобная тема, достойная изучения и т. д. Включая некоторых, у которых была ответственность в CNES в их карьере, и это не по недостатку, не по закрытости ума или чему-то ещё, это просто то, что они даже не задавали себе такого вопроса. Однако когда рассматриваешь вблизи — и это действительно ставка, я думаю, этого коллоквиума и того, что за ним последует, надеюсь, — надо смотреть на вещи скептически, прагматично, и различать то, что доказано, то, что обсуждается, и то, что надо отбросить. То, что доказано сегодня, — во Франции есть пилоты, которые действительно видят вещи и не передают их своей иерархии. То, что доказано, — за границей у нас есть пилоты, свидетельствовавшие об объектах с технологическими возможностями, превышающими, насколько мы знаем в любом случае, средства, которыми мы располагаем, с ускорениями, эквивалентными нескольким тысячам G, — напоминаю, что крылья боевого самолёта отрываются при десятке G. С также поведением, крайне нетипичными траекториями, углами в 80 градусов и так далее. И, стало быть, я, с этим опытом, который, разумеется, мой субъективный опыт и потому вполне обсуждаем и подвергается критике, говорю себе,

что здесь есть, возможно, тема, которую мы должны адресовать. И я думаю, это так, тем более что есть некоторое число элементов, которые заставляют меня думать, что мы уже давно прошли стадию слабых сигналов. Когда я наблюдаю бывшего директора ЦРУ, открыто говорящего об объектах, которые не объясняются и могут, по его мнению — не говорю, что это моё мнение, — относиться к иным формам жизни, — это должно останавливать. И это был директор ЦРУ при Обаме, его зовут Джон Бреннан. Когда у нас директор разведки, и который сегодня директор ЦРУ при Дональде Трампе, Джон Рэтклифф, говорящий, что действительно есть технологические возможности, значительно превышающие то, на что способны США, и против которых они не могут защищаться, и они не думают, что это китайское или российское. Он не упоминает Европу, как обычно, но в любом случае видно, куда указывает его взгляд. Аврил Хейнс, директор разведки при Джо Байдене, у неё также крайне сильные заявления. Разумеется, ряд американских президентов, Батист об этом говорил, канадские, японские ответственные лица и т. д., которые мобилизуются по вопросу. Итак, у нас сегодня слабые сигналы значительно активированы. И тем не менее — адресуем ли мы сегодня тему с необходимым политическим весом? Есть ли у нас инструменты? Вопрос в том, достаточно ли они масштабированы качественно и количественно, чтобы отвечать на эти вызовы? На мой взгляд, ответ — нет. И это нас подставляет. Это нас подставляет, потому что мы хорошо видим, например, что у нас нет никакой реакции на движения рассекречивания, видео, отчёты, и т. д., которые происходят сегодня в США. Можно думать, что это манёвр электорального отвлечения. Можно также, во всяком случае, пытаться сформировать собственное мнение и анализировать это на рациональных основаниях, чтобы сказать себе: если будет следующая волна рассекречивания, с ясными видео в высоком разрешении, показывающими реально нетипичные вещи, — как мыотреагируем? Как коммуницируем? Как адресуем тему? Что мы об этом думаем? Какотреагируем также, если бы у нас было, как это было в США, это предмет рассекреченных архивов, это предмет свидетельств, это даже было предметом международного договора между Россией и Советским Союзом в ту эпоху, — пролёты объектов над ядерными базами, в частности в Майноте и в Мальмстроме, с электромагнитными импульсами, обезоруживающими системы вооружений. Пролёты также критических инфраструктур — у нас было частное свидетельство, которое не было передано наверх, о французской атомной станции несколько лет назад на севере Франции, лёгчики-истребители, мы это говорили. И, значит, у нас есть настоящий сюжет с этой точки зрения — снова, принятие темы во внимание и передача информации на нужный уровень. И, значит, отталкиваясь от этого, что мы делаем? И я попробую идти быстрее по второй части. Коллоквиум — это первый шаг, но, разумеется, смелый первый шаг, но, на мой взгляд, в любом случае, — это то, к чему я приглашаю вас, господа депутаты, — первый шаг, а не последний, потому что я думаю, что даже в элементах, которые были представлены, разумеется, много материала для того, чтобы наставлять, копать и оспаривать, чтобы не удовлетворяться просто данными ответами. И, на мой взгляд, флэш-миссия, например, была бы действительно крайне интересным ответом для работы. Как, например, в форме открытых вопросов, мы могли бы работать с точки зрения публичного действия над темой? Прежде всего — определить метод, а затем определить управление. По методу — три уровня. Первый уровень — собирать данные. Сегодня было широко сказано, где мы конкретно находимся с точки зрения сбора данных. И здесь мы должны провести аудит нашего управления, наших инструментов и наших процессов сбора этих данных, будь то свидетельства пилотов или данные радарных датчиков, гражданских или военных данных, — мы не должны довольствоваться данными ответами, мы должны быть в состоянии копать и иметь

холистический взгляд на целое. Мы также должны знать конкретно: если пилот «Рафалья» хочет дать свидетельство, направляется ли он сегодня? Внедрены ли процессы и инструкции? Обеспечен ли он, чтобы принести это удобно своей иерархии? Как сегодня функционируют наши инфраструктуры наблюдения? Гражданские или военные? Правильно ли они настроены для обнаружения нетипичных траекторий? Всё это встаёт так же, как и миссия GEIPAN, к которой у меня уже нет времени возвращаться. Но и здесь, на мой взгляд, можно было бы работать. Роль Министерства вооружённых сил тоже. А также стратегическое наблюдение. Я думаю, сегодня нам нужно иметь собственное мнение о том, что происходит в других местах, и особенно в США. Второй уровень — квалифицировать эти данные. Это, было широко сказано, я не буду распространяться, но это как их обрабатывать строго, научно, чтобы они были пригодны. Как анализировать то, что приходит из других мест. И, наконец, третий уровень — как оперировать этими данными. То есть как проложить дорожную карту на три или пять лет, чтобы мы могли регулярно улучшать наши возможности сбора, в том числе через предоставление обучения. Интегрировать дополнительные потребности обнаружения, например в наших тендерах на технические системы наблюдения. Как мы работаем со сценариями предвосхищения? Как мы работаем над международными сотрудничествами? И так, все эти области заслуживали бы быть эксплуатированными, рассмотренными. И, наконец, за пределами метода нужно управление. Здесь я буду очень быстр. Абсолютно необходимо точно определить, кто что делает, потому что когда этого нет, все делают, и никто не ответственен. И, значит, мы хорошо знаем, чем это заканчивается. И это, разумеется, должна быть власть, поставленная на нужный уровень. Поставлена на нужный уровень — то есть иметь конкретные операционные рычаги, чтобы передавать и анализировать данные, это, разумеется, ключ. И два — быть достаточно высоко, чтобы иметь возможность влиять на политический уровень и информировать его. Если это бюро, неизвестное властям, разумеется, оно работает гораздо хуже. И так, вот, моё финальное слово, если хотите, — что мы регулярно говорим о стратегической автономии, — возможно, немного сильно считать, что по НАЯ мы там; хотя когда снова смотришь свидетельства пилотов и делаемые наблюдения, — тема встаёт, и мы, разумеется, не должны развивать сенсационалистское или катастрофистское видение темы, не обязательно и военное, к тому же. Мы также не должны — и это порок, слишком часто встречающийся, — перепрыгивать этапы и начинать спекулировать о происхождении и природе явления, потребность уже в том, чтобы уметь его квалифицировать, документировать, чтобы понять его и сформировать собственное мнение.

Вопросы и ответы после третьего круглого стола

И я думаю, для страны Декарта — это лучшее, что мы можем сделать. Благодарю. Возьмём несколько вопросов, прежде чем завершить этот день. Отлично. Только быстрые вопросы. Мы говорили — конец в 19:00, сейчас без 10. Ранее не был дан ответ на вопрос о защите информаторов. Послушайте, я думаю, что это не мне отвечать. Я думаю, директор GEIPAN об этом упоминал ранее. Уже есть признание защиты сделанных свидетельств. Не знаю, на каком уровне сегодня, в частности законодательном, можно продвинуться дальше и обеспечить этот статус, зная, что, в большом отличии от США, во Франции уже есть статус информатора. Но не только это. Вопрос в том, что происходит в США по сравнению с тем, что происходит во Франции. Два последних доклада были очень хороши, потому что они обратились к этому вопросу. Но есть разительный контраст между тем, что просит Паола Луна, — то есть дать слово тем, кто знает, где находятся объекты, кто знает, где нечеловеческие

трупы, — это всё-таки огромно, абсолютно огромно. А во Франции мы совершенно расхотимся с этим, совершенно расхотимся. Здесь то, что рассекречивают, — это то, чего просят члены Конгресса. Они раздражены тремя волнами рассекречивания, они хотят фотографий, трупов, вот чего они просят. И, значит, если мы переходим на эту стадию, как Франция управляет этой ситуацией? Итак. Итак, подождите, подождите. Мы возьмём вопросы, поскольку здесь, в данном случае, я вам ответил, — есть статус, который, возможно, позволяет быть в этой оси. Дальше, честно говоря, мы больше многого сделать не можем, кроме как именно защищать свидетельство, а также обеспечивать безопасность. Но мы это увидели через свидетельства и предыдущие выступления, что сегодня, я думаю, каждый свободен одновременно описывать сделанные наблюдения и подавать их, в частности в компетентные органы. Так что я не очень вижу. Нет, но я не знаю. Позвольте мне просто закончить отвечать. И если это вас не удовлетворяет, я сожалею. Но я думаю, во всяком случае, в нынешнем состоянии, есть этот статус, который может, не будучи окончательным ответом, и, без сомнения, в будущем сможет эволюционировать, но в любом случае это ясно государственное, ситуация всё-таки достаточно отличная от американской, и, во всяком случае, мы не закрыты к тому, чтобы продолжать обмен по теме, возможно, чтобы у нас было больше деталей, которых мы необязательно получили сегодня на этом коллоквиуме. Я думаю, что именно, дебаты также довольно интересны с этой точки зрения, то есть, по сути, вопрос, который вы ставите, — вопрос очень информированных людей. К тому же вы — военно-морской историк и отреагировали на тему. Я даже купил вашу книгу о российском флоте, так что я хорошо вижу, о чём вы говорите. Но, в сущности, мы не говорим в одной стране. То есть здесь, сегодня, публичные дебаты во Франции совершенно не о темах извлечения аппаратов или тел. Ну, это другая планета — то, о чём мы говорим. И, значит, надо, как говорил генерал де Голль, политику делают только на реальностях, и сегодня публичные дебаты, на мой взгляд, имеют заслугу того, чтобы пересечь очень важный этап благодаря — я говорю это без всякой лести — мужеству двух парламентариев, которые здесь, и, честно, наша цель здесь должна быть уже в том, чтобы обеспечить, чтобы инструменты внедрения, сбора информации о том, что происходит во французском небе, были действительно проаудированы и проработаны. А после я согласен с вами, что тема дебатов, которые действительно оживляют Палату представителей или Сенат по извлечениям аппаратов, программам обратного инжиниринга и т. д., — она встаёт в США. Здесь, если встаёт, то скорее в ракурсе упражнений предвосхищения, как мы их можем иметь. Скажу глупость — в DGA, органе, работающем над сценариями предвосхищения, у меня больше нет термина, но неважно. Red Team, точно. Мы культурно не там, чтобы иметь возможность обращаться к такого рода темам на политическом уровне. Во всяком случае, вот как я воспринимаю досе, честно говоря. И потому я думаю, что мы будем идти по мере вещей. Уже — большое спасибо за организацию этого коллоквиума, и у меня будет вопрос. Может ли в области космического наблюдения загрязнение на низкой орбите в перспективе поставить проблему? Это важный вопрос. Управление орбитальным трафиком — есть ясно проблема перегрузки в перспективе на некоторых орбитах, и в частности низких. И мы это хорошо знаем, об этом говорилось ранее, — Starlink, ты об этом упоминал, среди прочих, но есть множество созвездий, которые появляются и пересыщают этот участок, который надо, в данном случае, оптимально управлять. И правда, что это много атмосферных входов, которые к тому же будут тяжело загрязнять верхнюю атмосферу — это тема, в которой всё больше независимой науки и исследований, но которую надо тяжело финансировать, надо вливать деньги в CNES ещё чуть больше, потому что да, вопрос об устойчивости космической деятельности поставлен, и в то же

время мы избыточно разворачиваем на этих орбитах, но я думаю, это важный вопрос, и, действительно, много наблюдений типа НАЯ, которые являются, по сути, атмосферными входами. Но, во всяком случае, это был бы другой коллоквиум, на мой взгляд. Если вас это интересует, я запущу исследование по этому. И, возможно, дополнение ответа, поскольку OPECST — Управление по оценке научных и технологических вариантов — уже примерно полтора десятка лет работает по дипломатическому пути ради лучшего учёта, в частности в европейских и международных проектах, вопросов о мусоре и насыщении низкой орбиты. Это, разумеется, очень долгосрочная работа, потому что надо убеждать также наших партнёров, в частности американских, быть в состоянии обязаться и с деонтологической точки зрения тоже, и по сокращению экологических эффектов в этом пространстве. Итак, разумеется, мы продолжаем, в частности в рамках ИАС и других международных космических дипломатических мероприятий, также, Франция несёт этот голос. Чтобы привести один элемент, это настоящий вопрос, который был огромной проблемой. И решение, найденное доктором Беатрис Вилларроэль из Института Nordita, состояло в том, чтобы взять фотопластинки, датированные до-космической эрой. Так что были уверены, что объекты внутри — либо артефакты, либо объекты, которые были ненормальны. И идея — затем извлечь статистическую сигнатуру этих объектов, найти спектроскопию и затем посмотреть сегодня, какие объекты имеют тот же спектр на орбите Земли. Здравствуйте, спасибо, сюда. Мы говорим о США в конце коллоквиума, и, в конечном счёте, это были, я думаю, США, которые немного мотивировали существование этого коллоквиума в реакции на рассекречивание документов. Я, возможно, ошибаюсь, может быть, вы меня поправите. Как раз, возможно, для депутатов — организаторов коллоквиума, по вашему мнению, почему администрация Трампа рассекречивает эти документы недавно? Г-н Мезонёв, кажется, говорил, что это не только манёвр отвлечения внимания. Это что-то большее? Какой у вас взгляд на это действие с трансатлантической стороны? Чтобы ответить на вопрос — от людей, которые действительно внутри процесса: это настоящая воля с его стороны, но потому что он взял политическое обязательство по этому. То есть это входило в предвыборные обещания, которые он сделал. А потом были избранные, которые пришли к нему буквально, чтобы напомнить, что он сделал это обещание. И это в этой линии. От тех, кто внутри процесса, — там нет двойной воли внутри. И позволю себе дополнить — это не трампиетская тема, поскольку движения, в частности отчёты, были сделаны также администрацией Байдена. Так что очень важно сказать, что это не просто трампиетская тема, потому что мы не все трампиеты в зале, я полагаю. Мы говорили — паритет, так что это будет там. Здравствуйте, я не могу не констатировать, что на этом коллоквиуме два мужчины пригласили 12 мужчин в трёх панелях и ноль женщин. И, значит, в 2026 году это довольно примечательно. Но за пределами упрёка — это настоящий вопрос: является ли это организационным сдвигом или же эти явления с социологической точки зрения имеют связь между мужским полом и интересом к этим явлениям? И если да, то по каким причинам? Так вот, я говорил — это социолог должен ответить. Есть социологические исследования о мотивациях, о структурировании UFO-сообществ и т. д. Я не обязательно специалист. Признаю: 15 лет назад я начал этнографию. Потому что я был исследователем в CNRS, мне это было интересно, меня это интриговало, но я дальше не пошёл. Но, без сомнения, здесь нужно было бы вести расследование. И здесь ясно ультра-сдвинуто. Когда мы составляли нашу панель, мы это заметили, и потом мы два мужчины — признаём вину. И, значит, да, без сомнения, есть рамка с этой точки зрения. И правда, здесь, если сделать соотношение в зале, оно всё ещё в значительной степени мужское. В

следующий раз сделаем лучше, правда. Но да, без сомнения, в социологии сообществ было бы что сделать с этой точки зрения. И в сравнении также в других местах, я не знаю, я не вёл расследование дальше этого. Но здесь — это приглашение, которое вы мне делаете, продолжить расследование. Да, да, я вас видел, но я вас видел, я вас видел, я вас видел.

Заключительное слово

Ах нет, но мы хорошо себе представляем. Да. Да. Послушайте, что мы вам предлагаем — заключить здесь этот коллоквиум. Мы вас искренне благодарим. Можно поаплодировать всей совокупности выступавших. Все они были качественными. И, прежде всего, действительно, это оставляет одновременно путь для многочисленных вопросов, многочисленных пунктов также для улучшения. Мы это сказали между собой также во время этого коллоквиума с Арно Сен-Мартеном. Мы также предложим определённое число рекомендаций, вытекающих из этого коллоквиума, чтобы также ценить всю работу взаимодействия, которая имела место сегодня. А потом, действительно, я думаю, что, возможно, эта инициатива породит и другие, и снова большое спасибо всем, одновременно нашим сотрудникам также за организацию на службе собрания, также за управление залом, — итак, большое спасибо всем, и до скорого! Я добавил бы только одну вещь. Прежде всего — спасибо, Пьер, мы хорошо поработали. Это была барочная упряжка, правая-левая, транспартийная, и она хорошо работала. И, в любом случае, мы пересекаемся в ОРЕССТ. Это тоже стоит подчеркнуть. Нам всё же удаётся работать в собрании. Отмечу также, что это было заснято, причём многократно заснято, этот коллоквиум. Его можно будет пересмотреть через несколько недель, не знаю, Томек. Посмотрим, во всяком случае, это записано, и это будет потом в интернете, так что то, что говорится сегодня — и есть немало людей, которые не смогли приехать, потому что, ясно, был большой ажиотаж, — это будет доступно и публично, и это тоже довольно важный жест, это происходит здесь во всей прозрачности, у нас были дебаты, которые я нашёл увлекательными, и это, разумеется, будет циркулировать после. Это всё-таки был важный пункт, и потом, разумеется, Пьер и я говорим о коллоквиуме, — есть также медийный интерес, не надо это скрывать. Итак, мы будем продолжать об этом говорить. Нас ждут несколько интервью. Итак, эти рекомендации, в кавычках, которые ещё не совсем формализованы, — что ж, силой обсуждать, обмениваться, разумеется, мы начнём что-то формализовать. Здесь я не могу сказать намного больше сейчас. Возможно, это будет разочаровывающе для некоторых или некоторых здесь. Но, во всяком случае, это первый пункт, это скромная веха. Момент, во всяком случае, я нашёл увлекательным. Все выступавшие, которые изложили с разнообразием стилей, подходов, личных интересов в знании предмета, — я нашёл, что это было очень высокого качества. Итак, большое спасибо, большое спасибо всем и всем за то, что пришли сюда, спасибо за ваше терпение, потому что это всё-таки 4 часа коллоквиума, это немало, и до следующего раза, надеюсь.